МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫКЪ и НАУКА.

Мысли о введеніи въ науку международнаго вспомогательнаго языка.

Л. Кутюра
бывш. проф. Каэнскаго ун-та, теперь Парижск.

О. Іесперсенъ.
Проф. Копенгагенскаго Университета.

Р. Лоренцъ.
Професс. Цюрихскаго Политехникума.

В. Оствальдъ.
Засл. проф. Лейпцигск. Университета.

Л. Пфаундлеръ.
Профессоръ Грацскаго Университета.

Перевелъ С. ЧАХОТИНЪ.
Д-ръ зоолог. Гейдельбергскаго Ун-та.

ОДЕССА.
Тип. газ. „Одесскихъ Новостей“, Екатерининская, 8.
1910.

Предисловіе переводчика.

Съ предлагаемой книгой пяти выдающихся европейскихъ ученыхъ проблема введенія вспомогательнаго международнаго языка въ интернаціональныя сношенія, въ частности въ науку, вступила въ новый фазисъ: она сразу выдвинулась изъ стадіи дилеттантскихъ начинаній, фантазій и мечтаній, пріобрѣла реальное основаніе и впервые получила характеръ серьезнаго научнаго вопроса. Уже одни громкія имена авторовъ книги тому порукой. Мы не будемъ говорить здѣсь объ актуальности этого вопроса вообще Она въ достаточной мѣрѣ доказывается все усиливающимся ростомъ эсперантистскаго движенія. Но въ эсперанто было и есть немало промаховъ, вполнѣ понятныхъ, такъ какъ созданіе его носитъ дилеттантскій характеръ. Поэтому появленіе новаго языка Ido, въ сущности эсперанто, реформированнаго спеціальной коммиссіей видныхъ ученыхъ, можно только привѣтствовать.

Въ частности для насъ русскихъ введеніе такого вспомогательнаго языка въ науку имѣетъ особенное значеніе. Мы всѣ болѣе или менѣе страдаемъ отъ того, что печатая свои научные труды вынуждены либо знать всѣ главные европейскіе языки и писать наши работы на нихъ, либо отказаться отъ ознакомленія съ ними иностранныхъ ученыхъ, такъ какъ нашего языка за-границей почти никто не знаетъ и никогда знать не будетъ; между тѣмъ центръ научной жизни лежитъ въ Западной Европѣ, и къ сожалѣнію врядъ ли когда-нибудь передвинется на Востокъ. Специфически русской науки нѣтъ и вообще процвѣтаніе науки у насъ безъ самаго тѣснаго общенія съ западно-европейскими культурными центрами совершенно немыслимо. Съ этимъ согласится всякій, даже не спеціалистъ ученый. Наконецъ всякій, работающій научно и слѣдящій за научной литературой, знаетъ, какъ ощутительно недостаточное знаніе иностранныхъ языковъ, сколько работъ и мыслей пропадаютъ не использованными, не будучи по-

няты. Нечего и говорить, что для огромнаго большинства студентовъ, врачей, технологовъ и т. д. научная дѣятельность въ силу незнанія языковъ вообще становится невозможной, и во всякомъ случаѣ очень затрудняется.

Всѣ эти соображенія дѣлаютъ введеніе международнаго языка въ науку для насъ, русскихъ, очень желательнымъ. Но у насъ почему то въ научныхъ кругахъ принято смотрѣть на самую постановку этого вопроса свысока, съ какимъ то почти недовѣріемъ. Виною конечно отчасти то обстоятельство, что за разрѣшеніе этого вопроса до сихъ поръ брались не люди науки, единственно въ немъ компетентные, а фантазеры, дилеттанты. Теперь наступила отрадная реакція въ этомъ отношеніи. Предлагаемая книга служитъ тому блестящимъ доказательствомъ и я надѣюсь, что она найдетъ у насъ въ Россіи такой же сочувственный откликъ, какимъ сопровождалось ея появленіе въ Зап. Европѣ: будучи издана однимъ изъ серьезнѣйшихъ нѣмецкихъ научныхъ издательствъ, Густава Фишера въ Іенѣ, она за нѣсколько мѣсяцевъ переведена на всѣ главные европейскіе языки и переводится сейчасъ на второстепенные. Я буду радъ, если мой переводъ этой книги послужитъ укрѣпленію и у насъ идеи необходимости международнаго языка, являющейся не только выраженіемъ назрѣвшей реальной потребности, но имѣющей и огромное общекультурное значеніе.

Д-ръ зоол. С. Чахотинъ.

Одесса Апрѣль 1910.

Предисловіе авторовъ.

Къ сожалѣнію дѣло мірового, или вѣрнѣе международнаго вспомогательнаго языка находилось во всѣ предыдущія стадіи развитія этого вопроса, какъ въ эпоху Воляпюка, такъ и въ современномъ эсперантистскомъ движеніи въ рукахъ утопистовъ, мечтателей и фантазеровъ. Слѣдствіемъ отсюда было то, что это движеніе, безъ сомнѣнія заключающее въ себѣ здоровое ядро, не вызывало у сторонняго наблюдателя серьезнаго отношенія къ себѣ. Приверженцы какъ Воляпюка, такъ и Эсперанто, съ чисто лингвистической стороной этого вопроса тѣсно соединяли такъ много побочныхъ мыслей и цѣлей, что главной, первоцѣли не удавалось выступить достаточно ярко и убѣдительно, какъ и вообще не удавалось направить все движеніе по правильному пути. По этой причинѣ многимъ разсужденія и споры о международномъ вспомогательномъ языкѣ казались ненужными, невозможными, зачастую просто смѣшными, и въ этомъ взглядѣ была доля правды.

Положеніе однако измѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ этимъ вопросомъ занялась особая Делегація для выбора вспомогательнаго международнаго языка.

Этой интернаціональной комиссіи, засѣдавшей въ Парижѣ, и состоявшей изъ извѣстныхъ ученыхъ, было поручено изучить и попытаться рѣшить вопросъ о международномъ языкѣ. Послѣ семилѣтней дѣятельности эта Делегація доказала, что движеніе въ пользу такого языка имѣетъ на практикѣ здоровое ядро, которое необходимо и можно очистить отъ всякой безполезной примѣси, поставивъ вопросъ на чисто-научную, лингвистическую точку зрѣнія.

Съ другой стороны коммиссія пришла къ выводу, что ни Воляпюку, ни Эсперанто не удалось окончательно рѣшить именно лингвистической стороны вопроса. Признавъ однако за Эсперанто рядъ правильныхъ и цѣлесообразныхъ принциповъ, комиссія рѣшила взять его въ основу будущаго международнаго языка и

попыталась развить таковой на этой основѣ, пользуясь для сего чисто научными методами. Этимъ впервые удалось поставить весь вопросъ введенія международнаго языка въ жизнь на ту почву, на которой его серьезное обсужденіе является отнынѣ вполнѣ возможнымъ. Авторы этой брошюры считаютъ посему своей обязанностью обратить на этотъ вопросъ вниманіе возможно бо́льшаго числа ученыхъ, приглашая ихъ въ то же время высказываться по его поводу.

Цѣль этой брошюры мы будемъ считать достигнутой, если намъ удастся наглядно обрисовать современное положеніе вопроса и доказать, что уже въ данный моментъ можно не только говорить о введеніи международнаго вспомогательнаго языка въ науку, но и серьезно попытаться приступить къ осуществленію этой идеи.

Мы позволяемъ себѣ обратить вниманіе читателей на тотъ фактъ, что всѣ пять авторовъ данной брошюры принадлежатъ пяти различнымъ національностямъ трехъ совершенно различныхъ лингвистическихъ областей, и что при составленіи брошюры они необходимую по сему поводу переписку другъ съ другомъ вели исключительно и съ большимъ успѣхомъ на международномъ языкѣ

Парижъ, Копенгагенъ, Цюрихъ, Гроссъ-Ботенъ, Грацъ.

Мартъ 1909.

Л. Кутюра̀. О. Іесперсенъ. Р. Лоренцъ.

В. Оствальдъ. Л. Пфаундлеръ.

Оглавленіе.

Предисловіе переводчика . . . . . III.
Предисловіе авторовъ . . . . . V.

Глава I. Стр.
О потребности въ международномъ научномъ языкѣ, проф. Пфаундлеръ 1

Глава II.
Делегація для выбора международнаго вспомогательнаго языка проф. Лоренцъ 10

Глава III.
Основныя лингвистическія положенія для построенія международнаго вспомогательнаго языка, съ прибавленіемъ: къ критикѣ Эсперанто проф. Іесперсенъ 24

Глава IV.
О примѣненіи логики къ проблемѣ международнаго яз. проф. Кутюра 39

Глава V.
Объ отношеніи международнаго языка къ наукѣ проф. Лоренцъ . . 50

Глава VI.
Вопросъ о номенклатурѣ проф. Оствальдъ 57

Глава VII.
Заключеніе: чтеніе, письмо и разговоръ проф. Пфаундлеръ 64

Приложенія: 1. Декларація о новомъ языкѣ Ido 69
2. Грамматика, словообразованіе, грамматическія слова . 70
3. Пробная страница изъ международнаго словаря . . . 73
4. Пробный текстъ: опытъ двойного перевода 74
5. Программа „Союза Друзей Международнаго Языка" . 75
6. Бюллетень о вступленіи въ Союзъ. 77

Глава I.

О потребности въ международномъ научномъ языкѣ.

Всѣ тѣ, кому приходится читать научную литературу, или самимъ принимать въ ней активное участіе, безъ сомнѣнія очень часто и непріятно ощущаютъ недостатокъ въ общемъ ученомъ языкѣ и сожалѣютъ о тѣхъ громадныхъ затратахъ времени и усилій, которыя вызываются многоязычіемъ этой литературы; это особенно справедливо для естественныхъ наукъ.

Но удивительнѣе всего кажется и обидно становится, когда мы вспоминаемъ, что нѣкогда обладали въ наукѣ общимъ, международнымъ языкомъ, латинскимъ, и только современемъ утратили его. Еще въ первой трети прошлаго вѣка Гауссъ писалъ часть своихъ математическихъ и физическихъ трудовъ по-латыни. Вплоть до половины XIX столѣтія диссертаціи по естественнымъ наукамъ при нѣмецкихъ университетахъ переводились филологами на латинскій языкъ, тогда какъ сами авторы ихъ уже въ недостаточной мѣрѣ владѣли этимъ языкомъ. Дальнѣйшую гибель латинскаго языка, какъ языка ученыхъ, невозможно было однако уже задержать и теперь нѣтъ болѣе ни малѣйшей надежды на то, чтобы удалось возродить его вновь въ этомъ качествѣ. Причины этой эволюціи всѣмъ намъ извѣстны. Расцвѣтъ естественныхъ наукъ, для новыхъ понятій которыхъ языкъ Цицерона не могъ подыскивать подходящихъ выраженій, упадокъ схоластики съ ея церковной латынью, распространеніе научныхъ данныхъ среди широкихъ, не академически образованныхъ, слоевъ народа, оенованіе высшихъ политехническихъ школъ, наконецъ возрастающее самосознаніе и соревнованіе отдѣльныхъ націй, старавшихся добиться признанія своего родного языка тѣмъ, что ихъ ученые принуждались пользоваться имъ въ наукѣ,—все это способствовало вытѣсненію латыни современными живыми языками.

Вмѣсто одного ученаго языка теперь появилось цѣлыхъ три.

Вѣдь теперь обыкновенно требуется или предполагается, что всякій ученый долженъ понимать по крайней мѣрѣ по нѣмецки, французски и англійски [1]). Это пожалуй обыкновенно встрѣчается среди нѣмецкихъ ученыхъ, рѣже однако среди французовъ, еще рѣже среди англичанъ. Но и знаніе этихъ трехъ языковъ оказывается зачастую уже недостаточнымъ, и по слѣдующимъ причинамъ:

Во-первыхъ уже и теперь въ наукѣ встрѣчаются и другіе языки; такъ многіе итальянцы пишутъ только по итальянски, нѣкоторые голландцы только по голландски, такимъ же образомъ и русскіе ученые, поляки, чехи, венгры, скандинавцы, испанцы пользуются своими національными языками; слѣдствіемъ такого положенія оказывается, что многое не доходитъ до всеобщаго свѣдѣнія или же узнается современниками съ большимъ запозданіемъ или даже въ искаженномъ видѣ.

Затѣмъ даже для тѣхъ, которые владѣютъ всѣми тремя языками, не всегда исключено затрудненіе въ быстромъ пониманіи. При нѣкоторой природной способности, прилежаніи и большой затратѣ времени можно конечно добиться того, чтобы читать и понимать ученый трудъ или письмо на чужомъ языкѣ, но уже писать (напримѣръ въ отвѣтъ на письмо) на немъ гораздо труднѣе. А вѣдь далеко не всегда нѣмецкій ученый, отвѣчая по нѣмецки на французское или англійское письмо, можетъ разсчитывать на то, что онъ будетъ понятъ.

Но еще хуже обстоятъ дѣла при устномъ общеніи, въ особенности на научныхъ конгрессахъ. Оффиціальными языками на нихъ теперь по большей части признаются упомянутые выше три главныхъ европейскихъ языка. Въ дѣйствительности же преобладаетъ обыкновенно языкъ, на которомъ говорятъ въ мѣстѣ собранія конгресса. Такъ нѣмецъ говоритъ въ Парижѣ по французски, англичанинъ же преимущественно по англійски и требуетъ, чтобы въ засѣданіяхъ секцій всѣ рѣчи переводились на его родной языкъ, какъ это и имѣло мѣсто на послѣднемъ конгрессѣ по холодильному дѣлу въ Парижѣ.

Очень немногіе могутъ принимать активное участіе въ дебатахъ, тогда какъ большинство должны быть рады, если имъ удается хотя бы только слѣдить за ходомъ мыслей въ докладѣ,

---

[1]) См. также L. Couturat: Eine Weltsprache oder drei? (отвѣтъ проф. Diels'у).

произносимомъ зачастую очень быстро. Многія важныя возраженія остаются невысказанными, такъ какъ автору ихъ недостаетъ искусства, необходимаго для веденія дебатовъ на чужомъ языкѣ, и онъ не желаетъ рисковать неудачнымъ выступленіемъ, причина котораго была бы не въ ошибочности его взгляда, а въ неумѣніи соотвѣтственно выразиться.

Всякій участникъ конгрессовъ можетъ сдѣлать наблюденіе, что каждый разъ, какъ только начинаетъ говорить новый ораторъ на иномъ языкѣ, нѣкоторая часть слушателей съ болѣе или менѣе замѣтнымъ шумомъ удаляется, чтобы не присутствовать на непонятномъ этой части докладѣ. Нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что международные конгрессы посѣщались бы гораздо охотнѣе и въ большемъ количествѣ, если бы многихъ не удерживали затрудненія въ пониманіи чужихъ языковъ.

Совершенно не слѣдуетъ ласкать себя надеждой, что съ распространеніемъ знанія указанныхъ трехъ главныхъ языковъ эти неудобства уменьшатся или даже исчезнутъ. Они напротивъ въ дальнѣйшемъ должны еще усилиться, такъ какъ число національныхъ языковъ, стремящихся принимать участіе въ культурной работѣ, постоянно растетъ. Уже и теперь на ряду съ тремя главными языками приходится считаться и съ итальянскимъ, и съ испанскимъ, голландскимъ, скандинавскими и славянскими. Національное самосознаніе заставляетъ ученыхъ пользоваться роднымъ языкомъ, даже и въ томъ случаѣ, когда они сознаютъ, что это для международнаго пониманія неудобно. Да пожалуй даже если бы ученые были совершенно свободны отъ такого мелочно-національнаго самолюбія, они все же были бы принуждены пользоваться роднымъ языкомъ своими соотечественниками, не съ той цѣлью конечно, чтобы способствовать распространенію знаній, а только для того, чтобы при помощи ихъ ученыхъ трудовъ распространять свой языкъ и вмѣстѣ съ нимъ свое національное вліяніе.

Кому приходилось наблюдать это явленіе, тотъ не можетъ уклониться отъ мысли, что мы, по крайней мѣрѣ въ Европѣ, идемъ навстрѣчу не улучшенію, а скорѣе ухудшенію условій въ отношеніи языка для ученыхъ.

Увеличеніе числа языковъ, принимающихъ участіе въ научной литературѣ, обусловливаетъ увеличеніе числа періодическихъ изданій, тогда какъ напротивъ желательно именно сосредоточеніе научной журнальной литературы. Издержки на переводы, на выпи-

Скан-копии страниц 4 и 5 утеряны,
здесь даётся вручную перепечатанный текст

...Издержки на переводы, на выписывание журналов, на их сохранение и регистрацию и вся связанная с этим мелкая работа и потеря времени растут из года в год. Главным образом не хватает переводчиков; обыкновенные переводчики для такой работы конечно не годятся, так как для неё нужны специально образованные люди. Но таких в достаточном количестве не найти, так как редко кто, получивши специальное научное образование, берётся за невыгодное занятие переводчика.

Похожие или неверно понятые переводы, недостаточные извлечения прямо таки вредны; в таком случае было бы пожалуй даже предпочтительнее, чтобы перевода вовсе не существовало, так как тогда бы скорее просматривались оригинальные работы.

С указанными неудобствами, разбор которых можно ещё далее развить, очевидно знаком всякий учёный, так как каждый более или менее страдает от них.

Спрашивается, как можно помочь этому? Некоторыми было предложено ввести в гимназиях вместо древних языков усиленное преподавание иностранных. Чтобы дать возможность окончившим среднюю школу, будучи в университете, принимать участие в международных научных сношениях.

Это предложение основывают на том расчёте, что изучение живых языков параллельно с классическими должно вести к обременению гимназических занятий, изучение же их в университете тоже связано с большими затруднениями.

Мало кто из молодых людей, будучи в университете, найдёт в себе желание и моральную силу заставить себя вновь подвергаться скучным урокам языков, от которых их только что освободил экзамен на аттестат зрелости. Очень немногие отдают себе ясный отчёт в такие годы о пользе и необходимости знания иностранных языков. И как раз те из молодых людей, которые хотят посвятить себя учёной деятельности, должны бы быть в состоянии посвящать всё своё время и все силы изучению своей специальности, а не тратить их на уроки языков.

Против предложения удалить древние языки из гимназий со многих сторон приводятся очень веские аргументы, значение которых не отрицается и противной стороной. Мы не будем говорить здесь об этой очень спорной теме: достаточно констатировать тот факт, что полной или частичной замене классических языков новыми сейчас представляются ещё непреодолимые препятствия. Да и опыт учит, что изучение новых языков в средней школе редко ведёт к какому-нибудь практическому результату; впрочем следует оговориться, что теперь с лучшими методами добива-

Скан-копии страниц 4 и 5 утеряны,
здесь даётся вручную перепечатанный текст

ются уже гораздо больших успехов, чем прежде, когда учили преимущественно грамматике, но редко живым языкам.

Если таким образом оказывается неудобным обременять время пребывания в университете изучением современных языков, а гимназический период совершенно должен быть исключён для этой цели, то остаётся лишь время до гимназии.

Это действительно возможно, и в зажиточных семьях и осуществляется на практике: при помощи французской или английской гувернантки дитя параллельно с родным языком приучается говорить и на каком-нибудь из этих языков, в том объёме конечно. Который может охватить круг идей ребёнка. Учить впрочем ребёнка более чем одному иностранному языку вряд ли следует, чтобы не помешать усовершенствованию в родном языке. Для подрастающего будущего учёного однако и приобретённые таким путём знания языков являются разумеется недостаточными и требуют постоянного обновления и расширения.

Но если даже допустить, что молодой человек заботится о сохранении приобретённого в детстве знания языка, что он изучает в гимназии ещё один иностранный язык, – во всяком случае оказывается, что он лишь более или менее владеет упомянутыми тремя главными языками. Такое знание однако, как мы выше видели, недостаточно ни качественно, ни количественно, так как его не хватает для устного изъяснения на этих языках, да и с другими языками как-никак, а считаться приходится.

Изложенные соображения были причиною предложения выбрать путём международного уговора какой-нибудь один из современных языков для интернациональных сношений. Указывалось, что если всем придётся изучить этот язык, то все неудобства сразу исчезнут.

Нечего однако и говорить, что это предложение – мёртворождённое. Всякая попытка его осуществить разбивается, как не раз уже было установлено, о национальное соперничество; всем ведь ясно, что та нация, язык которой был бы избран для международных сношений, оказалась бы в огромном преимуществе перед другими.

для международныхъ сношеній, оказалась бы въ огромномъ преимуществѣ передъ другими.

Широко распространенный англійскій языкъ, хоть и имѣетъ очень простую грамматику, однако не годится изъ-за его крайне труднаго произношенія.

Точно такъ же, какъ не удавалось дать міру однообразную систему мѣръ и вѣсовъ до тѣхъ поръ, пока ученые не избрали мѣрой длины вмѣсто какой-нибудь національной единицы величину общую для всѣхъ земныхъ обитателей, именно длину земного квадранта, точно такъ же международнымъ языкомъ сможетъ стать только такой, который будетъ построенъ на основаніяхъ, общихъ всѣмъ тѣмъ народамъ, для сношенія которыхъ другъ съ другомъ онъ предназначается. Мы имѣемъ въ виду запасъ словъ, общій тремъ главнымъ лингвистическимъ группамъ: германскимъ, романскимъ и славянскимъ народамъ.

Противъ такого вывода обыкновенно возражаютъ: „значитъ необходимъ искусственный языкъ? Но вѣдь это утопія. Развѣ можно серьезно относиться къ мысли искусственно создать языкъ, своего рода организмъ, подобно послѣднему самостоятельно развивающійся и живущій. Вѣдь съ такимъ же правомъ можно было бы мечтать о созданіи искусственнымъ путемъ живой лошади“.

Дѣйствительно, создать лошадь невозможно, но зато вполнѣ выполнимо построить автомобиль, при извѣстныхъ условіяхъ не только могущій замѣнить лошадь, но и далеко превзойти ее. Конечно никому и въ голову не приходитъ изъять по этой причинѣ лошадь изъ употребленія. Точно такъ же и защитники идеи искусственнаго языка вовсе и не думаютъ вытѣснять естественно сложившіеся національные языки. Какъ въ поэзіи, такъ и въ изящной литературѣ, гдѣ проявляется душа народа, естественные языки могутъ и должны преобладать [1]).

Другое нерѣдко встрѣчаемое возраженіе: „Но вѣдь немыслимо, чтобы искусственный языкъ могъ когда-либо получить всеобщее распространеніе“.

Съ высказываніемъ подобнаго рода возраженій слѣдуетъ однако быть очень осторожнымъ, такъ какъ уже не разъ случалось, что они оказывались опровергнутыми на практикѣ. Вѣдь въ свое время введеніе общихъ мѣръ и вѣсовъ тоже было объявлено невыполнимымъ и однако въ наукѣ оно уже достигнуто

---

[1]) Поэтому мы и не оправдываемъ поэтическихъ попытокъ Заменгофа или постановку Гетевской Ифигеніи на Эсперанто.

70 лѣтъ тому назадъ проэктъ покрытія всей цивилизованной части свѣта сообщающейся телеграфной сѣтью и введенія однообразной для всѣхъ народовъ телеграфной азбуки, тоже казался и выставлялся, какъ недосягаемая утопія. И однако и то и другое уже давно осуществлено.

Мореплавающія націи условились относительно одного общаго сигнальнаго кодекса. Такъ, англійскій морякъ, приближаясь къ японскому побережью, переводитъ выраженія, которыя онъ хочетъ передать на берегъ, въ цифры, сообщаемыя при помощи флаговыхъ сигналовъ, а японскій портовый чиновникъ переводитъ прочитанныя по сигналамъ числа при помощи кодекса въ японскія выраженія. Почему же должно быть невозможнымъ такимъ же точно образомъ ввести подобно языку при посредствѣ чиселъ —языкъ посредствомъ словъ? Безъ сомнѣнія такой языкъ непосредственнѣе и лучше можетъ служить выраженію мыслей [1]). „Да"—говорятъ однако—„но создать такой языкъ гораздо труднѣе, чѣмъ придумать сигнальный кодексъ для ограниченнаго числа словъ и выраженій".

А что возразятъ такіе оппоненты, если имъ укажутъ на то, что это затрудненіе уже несмотря на все превзойдено, что нужный для сего языкъ созданъ и вполнѣ оправдался на практикѣ?

„Тогда"—скажутъ—„въ результатѣ оказывается, что помимо старыхъ языковъ отнынѣ придется изучать еще одинъ новый: это—сомнительная выгода".

Ну, а если окажется, что этотъ „новый" языкъ въ дѣйствительности вовсе не новъ, такъ какъ онъ составленъ почти цѣликомъ изъ словъ, извѣстныхъ всякому образованному человѣку; и если его грамматика представляетъ изъ себя такое упрощеніе уже знакомыхъ грамматикъ, что ея основанія могутъ быть усвоены въ теченіе одного часа; и если изученіе всего языка образованнымъ человѣкомъ, владѣющимъ какимъ-либо однимъ романскимъ языкомъ, возможно въ поразительно краткій срокъ—развѣ при всемъ этомъ не представляется прямо выгоднымъ усвоить такой языкъ?

Чтобы доказать это, достаточно вспомнить простѣйшую задачу изъ ученія о сочетаніяхъ, и доказательство будетъ математически вѣрно. Покажемъ это на примѣрѣ.

---

[1]) Другія аналогичныя сравненія, какъ-то: нотное письмо, химическія формулы и т. д. приведены В. Оствальдомъ въ его превосходной статьѣ Die Weltsprache См. также L. Couturat; La langue universelle.

Пусть въ большомъ городѣ будутъ 10 участковъ, изъ которыхъ каждый снабженъ отдѣленіемъ пневматической почты. Для того, чтобы каждое изъ этихъ отдѣленій могло сообщаться съ каждымъ изъ остальныхъ, можно бы отъ каждаго изъ десяти отдѣленій провести 9 линій трубъ къ остальнымъ девяти. Для этого пришлось бы поставить $\frac{10 \times 9}{2} = 45$ линій. Задача разрѣшается гораздо проще и экономнѣе, если соединить каждое отдѣленіе при помощи только одной линіи съ какимъ-нибудь центральнымъ пунктомъ, получающимъ всѣ письма изъ всѣхъ отдѣленій и распредѣляющимъ ихъ вновь согласно ихъ назначенію по филіальнымъ отдѣленіямъ. Такъ на практикѣ и дѣлается. Для этого необходимы всего только 10 линій.

Если мы вмѣсто вышеназванныхъ отдѣленій поставимъ нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, русскій, испанскій и другіе языки и предъявимъ требованіе, чтобы представитель каждой національности былъ въ состояніи корреспондировать съ любымъ изъ остальныхъ, то при десяти разныхъ языкахъ намъ необходимы для каждаго корреспондента 9 словарей, а всего значитъ 90 словарей.

Каждому корреспонденту пришлось бы знать кромѣ родного языка еще 9 другихъ. Если же мы будемъ пользоваться однимъ условнымъ языкомъ для всѣхъ, то каждому придется знать кромѣ родного языка только этотъ одинъ международный. Расчетъ этотъ такъ простъ и выгодность его такъ бросается въ глаза, что приходится лишь удивляться, какимъ образомъ эта истина уже давнымъ-давно не общепризнана и не проведена въ жизнь.

Само собою понятно, что для того, чтобы изучить изящную литературу какого-нибудь чужого народа, чтобы научиться понимать его сокровеннѣйшіе оттѣнки мысли и чувства, недостаточно удовольствоваться переводами, но надо изучать его языкъ, даже надо слышать этотъ языкъ на мѣстѣ. Но развѣ много людей, учится французскому языку съ цѣлью познакомиться съ французской литературой? Возможность такого изученія національнаго языка существованіемъ международнаго вовсе не исключается, подобно тому, какъ изобрѣтеніе автомобиля не мѣшаетъ никому пользоваться верховой или ломовой лошадью.

Поэтому филологамъ и языковѣдамъ вовсе нѣтъ причинъ враждебно относиться къ новому предпріятію, такъ какъ кругъ ихъ дѣятельности не ограничивается имъ ни въ чемъ. Напротивъ,

именно созданіе искусственнаго языка породило такъ много интересныхъ вопросовъ о структурѣ языковъ вообще, и было причиной столькихъ глубокихъ изслѣдованій объ ихъ сущности, привлекло къ языкознанію такъ много заинтересовавшихся имъ лицъ, что эта прекрасная область человѣческаго знанія можетъ только выиграть отъ этого.

Подлежитъ вниманію и то обстоятельство, что безусловно геніально задуманный, но не безошибочно выполненный и потому несовершенный трудъ доктора Заменгофа, языкъ Эсперанто, только благодаря реформаторскимъ работамъ лучшихъ языковѣдовъ достигъ той степени совершенства и законченности, которая даетъ ему возможность стать международнымъ вспомогательнымъ языкомъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ.

Трудность предпріятія заключается отнынѣ не въ самой сущности дѣла, а только въ задачѣ преисполнить всѣхъ заинтересованныхъ въ его успѣхѣ лицъ, особенно передовыхъ дѣятелей, увѣренностью, что цѣль вполнѣ достижима. Удастся распространить эту увѣренность въ достаточной мѣрѣ— и тогда само введеніе вспомогательнаго языка будетъ вопросомъ лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Для того, чтобы составить себѣ мнѣніе о степени выполнимости этого предпріятія надо прежде всего познакомиться съ главнѣйшими особенностями рекомендуемаго нами языка, съ его строеніемъ и возникновеніемъ.

Л. Пфаундлеръ.

Орд. Профессоръ физики Грацскаго университета, членъ Импер. Академіи наукъ въ Вѣнѣ.

Глава II.

Делегація для выбора международнаго вспомогательнаго языка.

Одной изъ главнѣйшихъ культурныхъ проблемъ современности является введеніе международнаго вспомогательнаго языка.

Мы всѣ гордимся нашими международными сношеніями. Цивилизація привлекла и охватила новыя націи и даже цѣлыя части свѣта и однако, несмотря на огромныя вспомогательныя средства общенія въ матеріальной сферѣ, ничего не создано для того, чтобы въ столь же практичной мѣрѣ приблизить другъ къ другу умы. Но недавно въ Парижѣ произошло событіе, обозначающее значительный шагъ впередъ въ этомъ направленіи. Образовавшаяся во время Парижской выставки 1900 года „Делегація для выбора вспомогательнаго международнаго языка" послѣ семилѣтней дѣятельности пришла къ окончательному рѣшенію.

Уже одинъ тотъ фактъ, что интернаціонализмъ нашей эпохи могъ создать такую делегацію и поручить ей рѣшеніе подобныхъ проблемъ, былъ бы казалось достаточенъ для того, чтобы заставить этотъ вопросъ выступить на передній планъ. Совершенно несправедливо, будто потребность въ международномъ вспомогательномъ языкѣ исчезаетъ съ усвоеніемъ нѣсколькихъ національныхъ языковъ, какъ утверждаютъ многіе, которымъ въ виду такихъ личныхъ знаній не приходилось еще объективно сталкиваться съ этой потребностью. Особенно это относится къ нѣкоторымъ изъ языковѣдовъ, забывающимъ, что для нихъ средство сношеній—языкъ—является какъ разъ предметомъ точнѣйшихъ спеціальныхъ знаній; такимъ образомъ эти искусившіеся и опытные въ языкознаніи люди заключаютъ по себѣ о другихъ. Натуралисту же, технику, кругъ мыслей которыхъ совершенно иной, упражненіе въ языкахъ по большей части не такъ близко, и потому оказывается, что движеніе въ пользу введенія междуна-

роднаго вспомогательнаго языка находитъ именно въ этихъ кругахъ наибольшее число адептовъ. Къ этому надо прибавить, что для естественника, какъ правильно замѣчаетъ проф. Оствальдъ, языкъ является лишь орудіемъ, средствомъ взаимопониманія.

Языкъ не думаетъ и не создаетъ поэтическихъ образовъ за него, а служитъ ему просто аппаратомъ, при помощи котораго ученый передаетъ свои знанія и свою волю другимъ людямъ, значитъ приблизительно такъ же, какъ музыкантъ передаетъ свои чувства черезъ посредство нотныхъ знаковъ и музыкальныхъ инструментовъ. Въ связи съ этимъ понятно выставляемое требованіе, чтобы языкъ былъ цѣлесообразенъ; поэтому и не кажется болѣе столь страннымъ на первый взглядъ фактъ, что именно естествоиспытателей, техниковъ и философовъ никогда не могли вполнѣ удовлетворить національные языки; ни живые, ни мертвые. Слѣдствіемъ такой неудовлетворенности и оказывалось, что имъ то какъ разъ и приходилось постоянно рѣшать филологическія задачи, создавая не только знаки и символы (математическіе, химическіе, кристаллографическіе и т. д.), но и новыя слова. Естественныя науки, философія и техника находятся въ постоянной тяжелой борьбѣ съ національными языками, имъ нуженъ языкъ простой и ясный, какъ открываемые ими законы природы, логическій, какъ самый точный ставимый ими опытъ, многообразный, какъ многообразны описываемые факты. Эти науки безпрерывно работаютъ надъ созданіемъ такого языка, и всѣ вновь придуманныя наукой слова, будучи усвоены техникой, незамѣтно проникаютъ въ общій запасъ словъ народовъ. Ихъ отличительная особенность та, что они международны, т. е. понятны всѣмъ культурнымъ націямъ, теперь даже японцамъ. Однако науки не хотятъ ограничиться этой стадіей развитія. Было бы желательно быть въ состояніи передавать международно не только отдѣльныя понятія, но и цѣлыя связныя мысли. Совершенно непрактично пользоваться для этой цѣли какимъ-нибудь національнымъ языкомъ, такъ всѣ они нецѣлесообразны, нелогичны, непослѣдовательны и очень сложны, и иноземцу приходится учиться избѣгать тысячи всевозможныхъ препятствій, чтобы быть въ состояніи мапо-мальски порядочно выражаться на чуждомъ ему нарѣчіи. Искусственный же языкъ можно такъ построить, что въ виду его совершенно правильной конструкціи сама возможность всякихъ ошибокъ будетъ исключена.

Соотвѣтственно такимъ цѣлямъ, программа упомянутой Делегаціи сводилась къ слѣдующимъ пунктамъ.

1. Желательно введеніе международнаго вспомогательнаго языка, могущаго служить письменному и устному сношенію между лицами разныхъ націй, но не задающагося цѣлью вытѣснить естественные языки изъ жизненнаго обихода каждаго народа.
2. Чтобы подобная задача оказалась разрѣшимой необходимо, чтобы такой международный языкъ удовлетворялъ слѣдующимъ условіямъ:
   a) онъ долженъ быть въ состояніи служить не только потребностямъ ежедневной жизни, но и цѣлямъ торговли и сообщеній, равно какъ и научнымъ задачамъ;
   b) онъ долженъ быть легко изучимъ для всѣхъ лицъ съ первоначальнымъ образованіемъ, особенно же для народовъ европейской культуры;
   c) онъ не долженъ быть ни однимъ изъ живыхъ національныхъ языковъ.
3. Право рѣшенія вопроса о томъ, какой изъ проэктовъ искусственныхъ языковъ пріемлемъ, должно принадлежать въ первую очередь „Международной Ассоціаціи Академій"; въ случаѣ же если этотъ союзъ откажется или не придетъ ни къ какому опредѣленному рѣшенію, то право передается Комитету Делегаціи.
4. Ученымъ, коммерческимъ и юридическимъ союзамъ будутъ разосланы циркуляры съ просьбой въ случаѣ принципіальнаго согласія съ вышеприведенной программой сообщить о томъ Делегаціи.

Успѣхъ этого воззванія превзошелъ всякія ожиданія. Только теперь стало ясно, что тысячи людей различныхъ народностей сочувствуютъ идеѣ введенія международнаго вспомогательнаго языка. Въ „Отчетѣ Делегаціи", издававшемся послѣднею ежегодно, къ 1 Октября 1907 г. значилось однихъ только отвѣтившихъ союзовъ, обществъ и конгрессовъ 310. Между послѣдними было немало такихъ, число участниковъ которыхъ превосходило тысячу, Интересно заставить быстро продефилировать передъ собою весь пестрый рядъ этой категоріи: здѣсь были торговыя школы, торговыя палаты, коммерческія собранія, стенографы, союзы печатнаго дѣла, разныя бюро для корреспонденціи, фотографическія общества городскія управленія, союзы чиновниковъ, пароходныя общества

клубы юристовъ, педагогическіе и религіозные кружки, офицерскія собранія, учрежденія для глухонѣмыхъ и слѣпыхъ, соціологическія, врачебныя и санитарныя общества, союзы распространенія идеи мира, политическіе союзы, графологическіе кружки, туристическіе клубы, клубы велосипедистовъ и автомобилистовъ, разныя спортивныя общества, библіографическіе кружки и управленія библіотекъ и наконецъ всѣ роды научныхъ спеціальныхъ обществъ и конгрессовъ. По странамъ были представлены: Франція, Англія, Германія, Швейцарія, Данія, Испанія, Греція, Италія, Бельгія, Норвегія, Швеція, Голландія, Россія съ Польшей, Румынія, Австрія съ Чехіей и Венгріей, Мексика, Перу, Аргентина, Алжиръ, Тунисъ, Соединенные Штаты Сѣв. Америки, Чили и еще много другихъ. Другой помѣщенный въ отчетѣ списокъ—исключительно академическій. Здѣсь мы встрѣчаемъ внушительную цифру: 1250 проф., принадлежащихъ 189 университетамъ, высшимъ техническимъ школамъ и Академіямъ наукъ, въ общей сложности изъ 110 мѣстъ всего міра вплоть до Индіи и Японіи. Можно безъ преувеличенія сказать, что программа Делегаціи встрѣтила во всѣхъ частяхъ свѣта и среди представителей почти всѣхъ родовъ занятій сочувственный откликъ, масса лицъ и корпорацій высказались за введеніе международнаго вспомогательнаго языка въ смыслѣ, предложенномъ Делегаціей, то есть, чтобы такимъ языкомъ не былъ ни одинъ изъ нынѣ существующихъ живыхъ языковъ.

Въ теченіе своего семилѣтняго существованія Делегація образцово выполнила возложенную на нее задачу. Она осилила за это время громадную работу. Въ маѣ 1907 г. по ея мнѣнію наступилъ моментъ представить собранные матеріалы Международной Ассоціаціи академій.

Тогда почему-то было распространено мнѣніе, будто эта Ассоціація отклонила рѣшеніе вопроса вообще a limine. Но это не такъ. Вѣнская Академія, какъ предсѣдательствовавшая въ томъ году, рѣшила представить вопросъ на усмотрѣніе Ассоціаціи, сообщивъ свое личное мнѣніе, согласно которому рѣшеніе вопроса слѣдовало предоставить на первыхъ порахъ практикѣ: подобный вопросъ можетъ быть лучше рѣшенъ посредствомъ опыта, чѣмъ въ теоріи. Къ этому мнѣнію присоединилась и Ассоціація. Въ виду такого рѣшенія теперь наступилъ моментъ, въ который являлось правомъ и обязанностью Делегаціи выступить самостоятельно. По ея иниціативѣ всѣ вышеприведенные союзы и общества выбрали делегатовъ, въ свою очередь выдѣлившихъ изъ своей среды ком-

миссію изъ 16 членовъ, состоявшихъ почти исключительно изъ ученыхъ съ громкимъ именемъ, членовъ различныхъ Академій наукъ. Въ этой коммисіи рядомъ съ представителями естественныхъ и математическихъ наукъ засѣдали языковѣды. Засѣданія начались 15 Октября 1907 г. и происходили въ Collège de France; послѣ 18 собраній было принято окончательное рѣшеніе.

Однако прежде чѣмъ говорить о послѣднемъ. я постараюсь дать здѣсь краткій историческій очеркъ развитія попытокъ создать международный языкъ.

Если кто-нибудь изъ читателей подробнѣе интересуется почти 300-лѣтней исторіей этой идеи и попытокъ осуществить ее, тому мы совѣтуемъ обратить вниманіе на мастерски написанный трудъ L. Couturat et L. Leau „Histoire de la langue universelle." (Paris 1903). Въ слѣдующихъ же строкахъ мы упомянемъ лишь о нѣкоторыхъ важнѣйшихъ моментахъ

Древнѣйшимъ, дошедшимъ до насъ источникомъ, трактующимъ о проблемѣ международнаго языка, является повидимому письмо Декарта отъ 20 Ноября 1629 года къ его другу Мерсенну. Въ этомъ письмѣ великій философъ приводитъ основанія, заставлявшія его не сомнѣваться въ томъ, что задача созданія искусственнаго языка, могущаго служить для международныхъ сношеній, вполнѣ осуществима. Что касается отношенія Лейбница къ нашему вопросу, занимавшему его въ теченіе всей его жизни, то интересенъ разборъ, сдѣланный въ недавнее время французскимъ философомъ L. Couturat по отчасти неизданнымъ до сихъ поръ источникамъ. (La logique de Leibniz и Opuscules et. fragments inedits de Leibnlz).

Слѣдуетъ упомянуть еще о вышедшемъ въ 1661 г. въ Лондонѣ: „Ars signorum, vulgo character universalis et lingua philosophica" Георга Дальгарно, и о найденной недавно книгѣ оставшагося до сихъ поръ неизвѣстнымъ автора: „Carpophoropqili novum inveniendae Scripturae Oecumenicae consilium". Leipzig 1734. Эта послѣдняя попытка уже во многомъ напоминаетъ намъ современныя системы.

Практическое движеніе въ пользу международнаго языка начинается въ концѣ прошлаго вѣка и открывается Шлейеровскимъ Воляпюкомъ. Это движеніе было довольно значительно, если принять во вниманіе, что на Воляпюкѣ издавалось около 30 повременныхъ изданій въ самыхъ различныхъ странахъ свѣта, включая и Японію; литература на этомъ языкѣ достигла цифры

въ 300—400 названій. Въ 1889 г. въ оффиціальныхъ изданіяхъ насчитывалось 255 мѣстныхъ группъ „Союза международнаго языка", изъ которыхъ нѣкоторыя имѣли многочисленныхъ членовъ. Преподаваніе было хорошо организовано и такимъ путемъ зарабатывали себѣ хлѣбъ насущный не менѣе 900 учителей этого языка, около 200 „высшихъ преподавателей" и даже 50 „профессоровъ". Этотъ лингвистическій опытъ въ большомъ масштабѣ былъ очень поучителенъ и значеніе его не слѣдуетъ умалять. Изъ этой попытки слѣдуютъ выводы, обязательные для теоріи и практики международнаго языка, особенно если разсматривать причины, обусловившія упадокъ и неудачу движенія въ пользу Воляпюка. Нынѣ ясно, что Воляпюкъ исчезъ благодаря своимъ же собственнымъ органическимъ ошибкамъ, лишній примѣръ тому, что практика въ такихъ дѣлахъ—лучшій учитель человѣчества. Участь Воляпюка была безповоротно рѣшена, когда его послѣдователи сдѣлали въ 1889 г. попытку созвать конгрессъ, на которомъ оффиціальнымъ языкомъ долженъ былъ быть только Воляпюкъ. Хотя немногимъ отдѣльнымъ воляпюкистамъ и удавалось говорить на этомъ языкѣ, но съ неумолимой очевидностью стало ясно, что поставленной цѣли при помощи Воляпюка людямъ не достичь.

Почти одновременно съ появленіемъ Воляпюка былъ придуманъ другой искусственный языкъ. Русскій врачъ д-ръ Заменгофъ выпустилъ въ свѣтъ въ 1887 г. свою систему подъ псевдонимомъ „Doktoro Esperanto". Но такъ какъ Эсперанто появился въ эпоху самаго разгара воляпюкистскаго движенія, то онъ вначалѣ почти не былъ замѣченъ. Новое движеніе нашло во Франціи горячаго защитника въ лицѣ маркиза de Beaufront, тоже работавшаго надъ созданіемъ своего международнаго языка, названнаго „Adjuvanto".

Познакомившись однако съ Эсперанто, онъ оставилъ свои попытки и основалъ „Французское общество распространенія Эсперанто" и газету „L'Esperantiste", (издающуюся уже 10-й годъ). Вскорѣ Франція сдѣлалась центромъ новаго движенія, какъ и вообще сказать, движеніе въ пользу Эсперанто почти всѣмъ своимъ существованіемъ и своей нынѣшней мощью обязано де Бофрону. Съ тѣхъ поръ это движеніе распространилось по всѣмъ странамъ. Число издаваемыхъ нынѣ на Эсперанто газетъ, печатающихся обыкновенно на двухъ языкахъ, достигаетъ, какъ и въ воляпюкистскомъ движеніи, приблизительно 45. Кромѣ того есть

Пуб. Б-к. Ленинград

и нѣсколько журналовъ и газетъ исключительно на Эсперанто. Особенное значеніе получили созываемые эсперантистами ежегодно международные конгрессы, на которыхъ разговоры ведутся на Эсперанто. Въ 1905 г. въ Boulogne-sur-Mer собралось около 600 участниковъ конгресса, принадлежавшихъ 15 различнымъ національностямъ. Разница въ произношеніи, которая, какъ и слѣдовало ожидать въ виду нѣкоторыхъ особенностей въ построеніи Эсперанто, не замедлила выступить, особенно для романскихъ народовъ и англичанъ, была однако, какъ увѣряютъ, не такъ велика, чтобы мѣшать взаимному пониманію другъ друга. Второй конгрессъ состоялся въ Женевѣ. На третьемъ конгрессѣ въ Кэмбриджѣ (Англія) въ 1907 г. было 1400 участвующихъ. Въ четвертомъ въ Дрезденѣ въ 1908 г. принимало участіе столько же. Мнѣнія объ этихъ конгрессахъ, на которыхъ было немало некрасиваго и непонятнаго, подчасъ даже смѣшного, могутъ быть разумѣется различны, но въ одномъ отношеніи они во всякомъ случаѣ были очень цѣнны: эти большіе и удивительные эксперименты въ филологической области доказали, что создать путемъ синтеза языкъ и говорить на немъ вполнѣ возможно. Съ другой стороны именно конгрессы эсперантистовъ воочію показали, по мнѣнію всѣхъ не ослѣпленныхъ иллюзіями участниковъ, что самъ языкъ Эсперанто ни въ коемъ случаѣ еще не является окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса. Съ этимъ положеніемъ уже съ давнихъ поръ вполнѣ согласны всѣ неблизорукіе вожди эсперантскаго движенія и они тѣмъ болѣе сознаютъ это, чѣмъ лучше владѣютъ этимъ языкомъ. Во главѣ ихъ прежде всего выступилъ маркизъ де Бофронъ, какъ одинъ изъ руководителей реформы, для многихъ пунктовъ признанной необходимой впрочемъ и самимъ докторомъ Заменгофомъ въ цѣломъ рядѣ интересныхъ трудовъ. Однако предложенія Заменгофа были отклонены партіей такъ называемыхъ фундаментистовъ въ союзѣ съ нѣкоторыми вліятельными большими издательствами, преслѣдудующими разумѣется въ этомъ дѣлѣ свои денежные интересы.

Дѣло въ томъ, что такъ какъ азбука Эсперанто содержитъ цѣлыхъ шесть особо придуманныхъ авторомъ буквъ, которыхъ въ большинствѣ типографій не имѣется, то эти фирмы обладаютъ почти исключительной монополіей торговли быстро расходящейся литературой на Эсперанто. Фундаментисты стоятъ на точкѣ зрѣнія, что, несмотря на возможныя ошибки Эсперанто, все движеніе можетъ идти впередъ лишь при совершенномъ единеніи всѣхъ

силъ. Они объявили поэтому изданную Заменгофомъ подъ названіемъ „Fundamento de Esperanto“ грамматику языка съ соотвѣтствующей хрестоматіей и словаремъ какъ бы священной и неприкосновенной и заходятъ въ своемъ усердіи такъ далеко, что почитаютъ правильнымъ и „классическимъ“ Эсперанто даже встрѣчающіяся въ этой книгѣ противорѣчія съ самимъ же авторомъ созданными правилами, и нѣкоторые существенные грамматическіе промахи вплоть до опечатокъ.

Безъ сомнѣнія, идея стройной организаціи имѣетъ для поверхностнаго наблюдателя не мало элементовъ заманчивости, но не слѣдуетъ забывать и по отношенію къ вопросу о международномъ языкѣ, что никакая организація на свѣтѣ не въ состояніи задержать прогрессъ дѣла, разъ пришедшаго въ движеніе. Всякое установленіе, изобрѣтеніе человѣческаго ума измѣняется, ошибки и недостатки исправляются; раціональное развитіе въ особенности неоспоримо тамъ, гдѣ возможенъ контроль со стороны нашего мышленія, какъ напримѣръ и въ вопросѣ о международномъ языкѣ. Напротивъ совсѣмъ не трудно отвѣтить на слѣдующій вопросъ: неужели возможно провести и сохранить неприкосновенной какую-нибудь разъ избранную систему? Есть два принципа, извѣстные намъ изъ исторіи изобрѣтеній, обнадеживающіе насъ и заботящіеся объ устойчивости изобрѣтеній внѣ всякихъ условныхъ соглашеній по ихъ поводу: это съ одной стороны высокая степень раціональнаго развитія на основаніи глубокой продуманности, съ другой—необычайное эмпирическое совершенство. Какъ примѣръ послѣдняго приведу нотное письмо, почти не измѣнившееся со времени Гвидо изъ Ареццо (род. 990) и во всякомъ случаѣ послѣ Іог. Себ. Баха: затѣмъ дѣленіе сутокъ на двѣ части по 12 часовъ въ каждой и часа на 60 минутъ: это дѣленіе существуетъ уже по меньшей мѣрѣ втеченіе 3000 лѣтъ; то же можно сказать и о циферблатѣ, механизмѣ и стрѣлкахъ карманныхъ часовъ, дошедшихъ до насъ почти неизмѣненными со времени эпохи Возрожденія. Наконецъ то же относится и къ скрипкѣ, сохранившей свою характерную форму такой, какою ее создали въ старину итальянцы; развѣ не удивительно, что этотъ вычурный деревянный инструментъ долженъ имѣть именно такую форму, чтобы мы могли извлекать изъ него пріятные намъ звуки? Примѣромъ же значенія перваго принципа могутъ служить почти всѣ наши современныя пріобрѣтенія: метрическая и децимальная системы сохранятъ свое постоянство навсегда. Формы велосипеда,

автомобиля, пишущей машины мѣнялись такъ долго, пока не удалось достичь болѣе или менѣе устойчивыхъ моделей при помощи хитро-придуманныхъ „рекордовъ". Изъ этого видно, что если изобрѣтенія или приспособленія достигаютъ извѣстной степени цѣлесообразности, ихъ очень не легко замѣнить другими впослѣдствіи. Для вопроса объ устойчивости международнаго вспомогательнаго языка существуетъ поэтому только одна подходящая мѣра, именно его цѣлесообразность, и мы утверждаемъ, что она, а значитъ и устойчивость самого языка, будутъ достигнуты путемъ непрерывныхъ реформъ и улучшеній. Въ вышеназванной книгѣ Couturat и Leau приведены въ качествѣ примѣра до десяти искусственныхъ языковъ, появившихся въ эпохи воляпюка и эсперанто или послѣ нихъ; въ этихъ послѣдующихъ попыткахъ болѣе или менѣе использованы указанія первыхъ опытовъ. Просмотръ этихъ системъ приводитъ къ неожиданному выводу, что подчасъ онѣ менѣе разнятся другъ отъ друга, чѣмъ отдѣльные романскіе языки между собою. Поэтому если-бы былъ выбранъ любой изъ этихъ проэктовъ и подвергнутъ систематическому развитію согласно, все болѣе и въ теоріи и на практикѣ выясняющимся, принципамъ построенія международнаго языка, то во всѣхъ случаяхъ мы приходили бы въ сущности къ одному и тому же результату.

Въ наши дни благодаря быстрому ходу развитія во всѣхъ областяхъ мы скорѣе склонны считать все насъ окружающее непостояннымъ. Мы забываемъ однако притомъ, что нагромождающіяся одно на другое открытія и изобрѣтенія, держащія наши нервы въ постоянно возбужденномъ состояніи, относятся все къ новымъ и новымъ предметамъ. Въ противоположность этому факту не слѣдовало бы забывать, что встрѣчаются и такія изобрѣтенія, которыя въ ихъ существенныхъ чертахъ могутъ быть вообще только одинъ разъ созданными; такимъ изобрѣтеніемъ будетъ и международный языкъ въ его окончательной формѣ.

Превосходное средство убѣдить скептиковъ заключается въ томъ, чтобы доказать имъ отсутствіе всякой произвольности въ характерѣ какого-либо изобрѣтенія или нововведенія и указать на достигнутую уже при помощи данной системы степень успѣшности. Всякій разъ какъ удается постичь естественное и логическое основаніе какого-либо изобрѣтенія, становятся ясными и причины, ограничивающія произволъ и случайность. Поэтому совершенно не слѣдуетъ въ дѣлѣ распространенія международнаго

языка „бояться произвола посторонних лицъ, не имѣющихъ ни права ни авторитета реформировать Эсперанто“, какъ недавно выразился г. Заменгофъ. Можно быть вполнѣ увѣренными, что и для международнаго языка лучшей защитой противъ всякихъ произвольныхъ нововведеній является его согласованность съ теоретическими постулатами.

Проф. В. Оствальдъ обрисовалъ намъ работу Делегаціи; коммисія состояла изъ представителей англійскихъ, нѣмецкихъ, итальянскихъ, скандинавскихъ и славянскихъ лингвистическихъ областей. Выдающіеся языковѣды, какъ проф. О. Іесперсенъ изъ Копенгагена и проф. Бодуэнъ де Куртенэ изъ Петербурга, а также проф. философіи Л. Кутюра изъ Парижа оказали при этомъ неоцѣнимыя услуги. Происходившія въ Collège de France обсужденія начались съ того, что цѣлый рядъ авторовъ искусственныхъ языковъ были приглашены лично или черезъ своихъ представителей демонстрировать свои проэкты; всѣ подобныя лица, насколько было возможно войти съ ними въ сношенія, были объ этомъ оповѣщены; въ тѣхъ же случаяхъ, когда непосредственнаго представительства не удавалось устроить, разбирались печатныя работы и документы. Оствальдъ пишетъ: „Какъ ни тяжела была эта работа, однако она оказалась очень важной для постепеннаго уясненія нашей задачи. Именно разнообразіе предложенныхъ для рѣшенія вопроса попытокъ и вызванныхъ ими преній заставило выступить съ незабвенной для всѣхъ принимавшихъ въ этой работѣ участіе ясностью, тѣ основные пути, которымъ должно слѣдовать жизнеспособное рѣшеніе, и опредѣлило ошибки разбиравшихся системъ, возникшія благодаря опущенію той или иной изъ этихъ необходимыхъ предпосылокъ.“ О сущности этихъ принциповъ, а также о примѣненіи ихъ для построенія международнаго вспомогательнаго языка, будетъ сообщено въ слѣдующихъ главахъ компетентными лицами, здѣсь же упомянемъ, что Делегація пришла къ выводу, что ни одинъ изъ представленныхъ къ разбору проэктовъ не удовлетворяетъ вполнѣ требованіямъ, которыя необходимо предъявлять международному языку, но въ то же время она признала, что наиболѣе распространенный уже на практикѣ Эсперанто по нѣкоторомъ измѣненіи можетъ быть взятъ за основаніе для развитія вспомогательнаго языка.

Вскорѣ былъ избранъ постоянный комитетъ, въ составъ котораго между прочимъ входили Оствальдъ, Кутюра, де Бофронъ, Іесперсенъ; этому комитету было поручено вы-

работать новыя формы международнаго языка на основаніи установленныхъ въ засѣданіяхъ Делегаціи принциповъ.

Измѣненія, произведенныя Комитетомъ въ международномъ языкѣ, закрѣплены теперь въ формѣ новыхъ грамматикъ и словарей. Можно сказать, что Делегація не только правильно опредѣлила промахи Эсперанто, но и съ необходимой компетентностью исправила ихъ, такъ что отнынѣ мы обладаемъ языкомъ, достигающимъ въ отношеніи легкости, ясности, многообразности и элегантности выраженія высшее, что въ данное время вообще можетъ быть достигнуто въ области международнаго языка.

Успѣхъ, сопровождавшій эту реформу тотчасъ по обнародованіи Делегаціей первыхъ пробъ новаго языка, какъ въ широкой публикѣ, такъ и въ эсперантистскихъ кругахъ, былъ поразителенъ. То, чего движеніе въ пользу Эсперанто добилось съ трудомъ послѣ шести лѣтъ своего существованія, произошло здѣсь съ удивительной быстротой на нашихъ глазахъ: не болѣе, какъ въ такое же число мѣсяцевъ группа дѣятельныхъ людей основала въ 60 городахъ [1]) Европы и Америки клубы, примкнувшіе къ Делегаціи.

Къ сожалѣнію фундаментисты продолжаютъ упорствовать и недовольные стоятъ въ сторонѣ отъ движенія. Хотя этотъ реформированный языкъ и произошелъ отъ Эсперанто, имѣя его своимъ основаніемъ, однако эсперантисты запретили употреблять для него названіе Эсперанто. Поэтому было предложено образовать новое названіе такимъ образомъ, чтобы скомбинировать начальныя буквы въ словахъ „Internaciona linguo di la Delegitaro", съ окончаніемъ **o** въ формѣ Ilo, Ildo или Lido; имя впрочемъ еще не установлено окончательно [2]). На этомъ linguo internaciona существуетъ уже нѣсколько газетъ. Главнымъ органомъ новаго движенія служитъ издаваемый Делегаціей журналъ „Progreso„ (выгов.: прогрессо) „Oficiala organo di la Delegitaro por adopto di linguo helpanta internaciona", находящійся подъ редакціей проф. Л. Кутюра въ Парижѣ и получившій свою программу и направленіе благодаря совѣтамъ и указаніямъ Оствальда. Превосходство Идо надъ Эсперанто настолько бросается въ глаза и подтверждается на практикѣ въ столь очевидной степени, что мы сегодня въ правѣ говорить о третьемъ

---

[1]) Теперь (Мартъ 1910) уже болѣе 100. Прим. перев.

[2]) По представленному Делегаціи проэкту „Grammaire complete de la langue internationale, par Ido" (Paris 1907) этотъ языкъ называютъ также „Ido".

періодѣ движенія въ пользу мірового языка, считая эпохи Воляпюка и Эсперанто первымъ и вторымъ. Этотъ третій періодъ начался съ удивительной, неизвѣстной доселѣ въ этой области, скоростью реакціи. Характеренъ для новаго движенія между прочимъ тотъ фактъ, что имъ заинтересовались особенно англичане и американцы, тогда какъ введеніе стараго Эсперанто встрѣчало среди англо-саксонцевъ непреодолимыя препятствія, основывавшіяся на томъ, что, какъ они вполнѣ справедливо указывали, Эсперанто помимо цѣлаго ряда неудобствъ и ошибокъ, обладаетъ безъ сомнѣнія худшей грамматикой, чѣмъ ихъ родной англійскій языкъ. Идо же превосходитъ англійскій языкъ, не говоря ужъ о правильности произношенія, и въ грамматикѣ и, что очень много значитъ, даже въ краткости, такъ какъ напечатанный на немъ текстъ короче соотвѣтствующаго англійскаго.

Для тѣхъ, которые все еще не знакомы съ сущностью международнаго языка и представляютъ себѣ „искусственный языкъ" не иначе какъ подъ видомъ нежизнеспособнаго чудовища, мы замѣтимъ, что новый словарь содержитъ въ общей сложности 5400 „коренныхъ словъ", и что изъ нихъ, несмотря на само собою разумѣется романскій характеръ интернаціональнаго языка, до 40% встрѣчаются единовременно въ слѣдующихъ шести языкахъ: нѣмецкомъ, англійскомъ, французскомъ, итальянскомъ, русскомъ, и испанскомъ (и во многихъ другихъ здѣсь не названныхъ). Кромѣ этихъ есть конечно очень много словъ общихъ пяти или четыремъ изъ главныхъ языковъ. Въ виду подавляющей убѣдительности этого фактическаго матеріала никто бы не долженъ болѣе избѣгать идеи международнаго языка, такъ какъ приведенныя цифры говорятъ просто и ясно, что международный языкъ существуетъ даже независимо отъ всякихъ теорій. Для того, чтобы создать такой языкъ необходимо лишь извлечь его начатки изъ живыхъ языковъ, при помощи правильнаго наблюденія, т. е. искусственнымъ путемъ.

Наряду съ чисто лингвистической точкой зрѣнія важна и та позиція, на которую Делегація подняла весь вопросъ о международномъ языкѣ. Вполнѣ объяснимо и въ достаточной мѣрѣ извѣстно, сколько нелѣпостей, заблужденій, недоразумѣній и иллюзій соединялось съ этимъ вопросомъ какъ въ эпоху воляпюка, такъ и эсперанто. Причина этому та, что руководительство въ этихъ движеніяхъ по большей части принадлежало людямъ, не дисципли-

нированнымъ въ научномъ смыслѣ, отчасти даже фантазерамъ и мнившимъ себя преобразователями міра. Къ этому прибавилась страсть набрасываться на изящную литературу и съ прямо дѣтскимъ ликованіемъ уродовать творенія классиковъ различныхъ націй своими переводами ихъ на чисто разсудочный языкъ, вмѣсто того, чтобы направлять всѣ усилія на практическія цѣли. Въ эсперантистскомъ движеніи это выступаетъ пожалуй даже въ еще худшей мѣрѣ, чѣмъ во времена воляпюка. Делегаціи въ качествѣ коммиссіи серьезныхъ людей науки пришлось на каждомъ шагу очищать это дѣло извнутри какъ снаружи отъ всякихъ примѣсей, изъ которыхъ мы здѣсь привели лишь болѣе грубыя и обшеизвѣстныя, и направленіе, въ которомъ ведется журналъ Progresso, вполнѣ серьезно и научно. Такимъ способомъ удалось наконецъ создать ту почву, на которой разборъ даннаго вопроса представляется возможнымъ. Съ того момента, какъ Делегація взяла въ свои руки дѣло международнаго языка, для послѣдняго наступилъ безъ сомнѣнія раціоналистическій періодъ; первый, когда высмѣивателямъ нечего уже высмѣивать, а скептику придется подыскивать серьезныя основанія для возраженій.

Занимаемая Делегаціей точка зрѣнія характеризуется убѣжденіемъ, что рѣшеніе проблемы международнаго вспомогательнаго языка исключительно научно-техническая задача.

Научная вдвойнѣ. Съ одной стороны, такъ какъ въ дѣйствительности живой источникъ международнаго языка уже существуетъ, какъ въ самой наукѣ, такъ и какъ выраженіе европейско-американской культуры, и чтобы получить этотъ языкъ въ законченной формѣ надо этотъ начатокъ выдѣлить при помощи искусственнаго развитія и дать ему возможность созрѣть. Съ другой стороны, такъ какъ методъ искусственнаго развитія международнаго языка является самъ по себѣ предметомъ особой науки, именно новой филологической науки о вспомогательномъ языкѣ.

Технической же задачей этотъ вопросъ представляется потому, что полученный при помощи теоріи результатъ имѣетъ въ виду практическую пользу, именно дѣйствительное пользованіе имъ со стороны людей. Наша современная культура находится подъ знакомъ научной техники. Мы болѣе не просто эмпирики. Наука вмѣшивается въ повседневную жизнь и всѣ просвѣщенные люди согласны съ тѣмъ, что эпоха чистой эмпиріи, голаго опыта, уже позади насъ.

И у движенія въ пользу мірового языка есть свои эпохи и мы беремся утверждать, что времена попытокъ рѣшить проблему вспомогательнаго языка чисто эмпирическимъ или даже романтическимъ путемъ закончились вмѣстѣ съ эпохами воляпюка и эсперанто.

Но помимо всего Делегація выдающимся образомъ выступила и на организаторскомъ поприщѣ. Въ началѣ 1909 г. былъ основанъ союзъ, распространяющійся на всѣ части свѣта: „Uniono di l'amiki di la linguo internaciona" (союзъ друзей международнаго языка). Этотъ союзъ долженъ выдѣлить изъ своей среды два руководящихъ органа: во-первыхъ Комитетъ, коммиссію, направляющую организацію и наблюдающую за движеніемъ на практикѣ, и затѣмъ Академію, въ вѣдѣніи которой находится научное изслѣдованіе международнаго вспомогательнаго языка, заботящуюся о постоянномъ прогрессѣ его, исправляющую ошибки и недостатки, которые безъ сомнѣнія будутъ еще всплывать наружу и облеченную правомъ разрѣшать спорные пункты и опредѣлять нововведенія.

Провести въ жизнь эту научно-техническую программу и стало теперь задачей всѣхъ, чувствующихъ настоятельную потребность въ международномъ средствѣ пониманія отдѣльныхъ націй другъ съ другомъ.

Р. Лоренцъ.

Профессоръ химіи Цюрихскаго Политехникума

Глава III.

Основныя лингвистическія положенія для построенія международнаго вспомогательнаго языка.

Съ прибавленіемъ:

Къ критикѣ Эсперанто.

Существуетъ болѣе 60 системъ или проэктовъ искусственнаго мірового языка, и въ виду значительнаго разнообразія этихъ проэктовъ казалось бы совершенно немыслимымъ придти къ единенію относительно выбора одного изъ нихъ. Если же ближе взглянуть на исторію развитія этихъ попытокъ, то приходится заключить, что дѣло это далеко не такъ безнадежно, какимъ оно кажется съ перваго взгляда. Тамъ гдѣ 20 лѣтъ тому назадъ появлялись проэкты, отличавшіеся другъ отъ друга подобно дню и ночи, теперь намѣчаются большія сходящіяся черты, предвѣщающія тотъ желанный моментъ, когда человѣчество ко всѣмъ своимъ культурнымъ завоеваніямъ прибавитъ еще одно—всѣми признанный и употребляемый вспомогательный языкъ, на пользу всѣхъ тѣхъ, чей кругозоръ не ограничивается узкимъ горизонтомъ ихъ родной страны.

Спрашивается, можно ли выразить при помощи одной общей формулы все то, чего мы вправѣ требовать отъ практичнаго международнаго языка? Я думаю, что да, и сейчасъ буду говорить объ этой формулѣ, разобравъ предварительно вкратцѣ два основанія, не позволяющія намъ выбрать въ качествѣ международнаго языка какой-либо изъ существующихъ національныхъ. Первая причина заключается въ томъ, что въ послѣднемъ случаѣ было бы несправедливо отдано преимущество одному народу въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Такимъ образомъ былъ бы нарушенъ основной принципъ всѣхъ международныхъ отношеній, принципъ безпартійности. А во-вторыхъ, всякій національный языкъ

слишкомъ труденъ для всѣхъ чужестранцевъ. Всѣ такіе языки изобилуютъ трудностями въ произношеніи, правописаніи, грамматикѣ, словарѣ и въ особенности въ оборотахъ рѣчи. Очень рѣдко удается иностранцу, даже послѣ многолѣтняго изученія, владѣть чужимъ языкомъ настолько совершенно, чтобы не сдѣлать то тамъ, то тутъ одну изъ тѣхъ ошибокъ, которыя немедленно выдаютъ уроженцу чужой страны его происхожденіе: будь то неправильный акцентъ, либо слово, примѣненное съ почти незамѣтно-неподходящимъ оттѣнкомъ мысли или помѣщенное въ выраженіи на мѣсто, куда бы его никогда не поставилъ туземецъ, либо наконецъ оборотъ фразы, логически хотя и безупречный, но не принятый исторически установившимися правилами разговора. Всѣ естественные языки крайне трудны именно вслѣдствіе ихъ безчисленныхъ отношеній и связей, значитъ изъ за всего того, что дѣлаетъ ихъ дорогими сердцу пользующихся ими народовъ. По этой причинѣ они не годятся въ качествѣ средства международнаго сообщенія. Итакъ намъ нуженъ прежде всего безпартійный, и затѣмъ возможно легкій языкъ: онъ долженъ быть легко изучимъ, легко примѣняемъ и легко понятенъ.

Мы пришли такимъ образомъ къ искомой нами формулѣ и можемъ ее выразить въ слѣдующихъ словахъ, перефразируя извѣстную этическую формулу Гетчисона и Бентама („That action ist best which accomplishes the greatest happiness for the greatest numbers"): [1]).

Лучшимъ международнымъ языкомъ долженъ быть тотъ, изученіе котораго представляетъ наибольшую легкость для наибольшаго числа людей.

Но на это пожалуй возразятъ, что понятіе легкости субъективно: то, что легко для одного, не всегда является такимъ же для другого. Разумѣется, и какъ разъ эта истина будетъ намъ путеводной звѣздой при изслѣдованіи важнѣйшихъ выводовъ, вытекающихъ изъ нашего положенія.

Прежде всего, что касается азбуки и звукосочетанія, то нашъ принципъ заставляетъ насъ принять латинскій алфавитъ, исключивъ изъ него всѣ буквы съ надстрочными или иными значками. Ни буквы, вродѣ: ä, ö, á, à, â, ç, ни спеціально придуманныя Заменгофомъ для Эсперанто ĉ ĝ ĥ ĵ ŝ не могутъ

---

[1]) Наилучшимъ поступкомъ надо считать тотъ, который доставляетъ наибольшее счастье наибольшему числу людей.

быть допустимы, такъ какъ онѣ усложняютъ, а зачастую даже просто дѣлаютъ невозможнымъ письмо, печатаніе и телеграфированіе. Въ предисловіи къ международнымъ словарямъ де Бофрона и Кутюра я попытался указать, какимъ путемъ можно, исходя изъ нашего принципа, придти къ слѣдующей азбукѣ и слѣдующему произношенію буквъ (тамъ, гдѣ произношеніе не указано въ скобкахъ, буквы произносятся какъ соотвѣтствующія русскія): a, b, c (русское **ц**), d, e, f, g (**г**), h (**х**), i, j (**ж**), k, l, m, n, o, p, q (какъ латинское **qu**), r, s (**с**), t, u, v (**в**), x (**кс**), y (**й**), z (**з**), и наконецъ обѣ двубуквенныхъ группы ch (**ч**), и sh (**ш**).

Строго фонетическій принципъ „одинъ знакъ—одинъ звукъ" соблюденъ такимъ образомъ въ томъ смыслѣ, что никогда одинъ и тотъ же звукъ не можетъ быть изображенъ въ одномъ словѣ такъ, а въ другомъ иначе, и одна и та же буква никогда не произносится въ нѣкоторыхъ словахъ въ видѣ исключенія иначе, чѣмъ обыкновенно. Незначительное отступленіе въ формѣ того, что **ch** и **sh** не произносятся какъ **c+h** и **s+h**, не можетъ составить затрудненія ни для кого, а сохраненіе **qu** и **x** даетъ намъ возможность удержать интернаціональное правописаніе многихъ словъ и въ то же время допускаетъ два различныхъ выговора, отнюдь не мѣшающихъ пониманію, а являющихся между тѣмъ для нѣкоторыхъ націй значительнымъ облегченіемъ въ произношеніи, тогда какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы рѣшиться на затруднительный выборъ между **kwala** (куала) и **kvala** (квала), между **eksistar** и **egzistar**; (теперь значить quala и existar). Не слѣдуетъ забывать и того, что для нашихъ цѣлей чисто-теоретическій принципъ „одинъ знакъ—одинъ звукъ" долженъ быть подчиненъ требованію наибольшей легкости, по отношенію къ которому фонетическая простота является какъ бы только слѣдствіемъ. Если такимъ образомъ оказывается, что небольшое отступленіе отъ положенія „одинъ знакъ—одинъ звукъ" связано для насъ съ бо́льшими удобствами, то практическія соображенія должны преобладать надъ теоретическими возраженіями.

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, очень важномъ для фонетики международнаго языка. Тогда какъ всѣ народы съ легкостью произносятъ сочетанія звуковъ, въ которыхъ гласныя чередуются съ простыми согласными, и тогда какъ просто сочлененныя группы согласныхъ (вродѣ **тр. сп. бл.** и т. д.) не представляютъ затрудненій ни для одной изъ націй

произношеніе другихъ, болѣе трудныхъ сочетаній, особенно на концѣ словъ, является для многихъ народовъ крайне труднымъ. Французы обыкновенно упрощаютъ слишкомъ сложныя группы, вставляя въ произношеніи такой группы неписанную гласную (напр. въ Felix (e) Faure); итальянцы, говоря по англійски, дѣлаютъ то же самое въ комбинаціяхъ kstr (Greek street) и ksp (six-pence), произнося ихъ Greek-(e)-street и six-(e)-pence. Но есть и другія народности, фонетическія привычки которыхъ еще менѣе итальянцевъ терпятъ нагроможденія согласныхъ. Чтобы облегчить произношеніе для всѣхъ, необходимо слѣдовать поэтому не проэкту языка „Idiom Neutral", столь тяжеловѣсному по причинѣ своихъ конечныхъ согласныхъ, а стараться подражать автору эсперанто, съ достаточной находчивостью позаботившемуся придать языку при помощи преимущественно гласныхъ окончаній не только грамматическую ясность, но и легкость и текучесть произношенія. Благодаря такой мѣрѣ языкъ становится въ то же время звучнымъ и пріятнымъ для слуха.

Перейдемъ къ словарю. Здѣсь уже д-ръ Заменгофъ при выборѣ большинства корней для своего языка старался руководствоваться принципомъ наибольшей ихъ интернаціональности, но первыми, послѣдовательно проведшими этотъ принципъ для конструкціи цѣлаго языка, были безъ сомнѣнія авторы проэкта „Idiom neutral". Впрочемъ надо оговориться, что они исполнили свою задачу нѣсколько поверхностно, такъ какъ они сосчитывали въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ число языковъ, имѣющихъ данный корень общимъ. Ясно однако, что надо считать не сами языки, какъ эквивалентныя единицы, (въ особенности это относится къ латыни, языку нынѣ мертвому), а число людей, пользующихся каждымъ изъ нихъ; вѣдь языки не самостоятельныя существа, внѣ связи и зависимости отъ тѣхъ, кто на нихъ говоритъ. Такъ какъ поэтому приходится принимать во вниманіе людей, то для опредѣленія степени международности какого-нибудь слова или корня рѣшающимъ моментомъ должно быть только число людей, которымъ это слово уже извѣстно при посредствѣ родного языка. Такое опредѣленіе принципа возможно большей международности является лишь необходимымъ слѣдствіемъ положенія о наибольшей легкости для наибольшаго количества людей. Каждому разумѣется было бы пріятнѣе всего, еслибы въ международный языкъ было введено возможно большее количество уже извѣстныхъ ему словъ и сохраняя безпартійность, за каждымъ

изъ 120 милліоновъ, говорящихъ по англійски, слѣдуетъ признавать такое же право, на вполнѣ естественное предпочтеніе родныхъ корней какъ и за каждымъ изъ 75 милліоновъ нѣмцевъ, 70 милл. русскихъ [1]), 50 милл. французовъ или испанцевъ и т. д. Даже языки небольшихъ народовъ должны быть приняты во вниманіе въ соотвѣтствіи съ численностью пользующихся ими лицъ.

Такимъ образомъ выборъ словъ для нашего нейтральнаго языка оказывается въ существенныхъ чертахъ простой числовой задачей. Но несмотря на это задача не разрѣшается вполнѣ одной лишь цифровой статистикой лицъ, говорящихъ на разныхъ языкахъ. Прежде всего въ словаряхъ встрѣчаются научныя слова и спеціальныя выраженія, понятныя лишь меньшинству народа. Затѣмъ есть слова, сами по себѣ не принадлежащія данному языку и не употребляющіяся въ немъ, но довольно знакомыя по одному или нѣсколькимъ производнымъ. Для примѣра можно указать на тотъ фактъ, что наряду со словомъ 100, называемымъ по англійски hundred, по нѣмецки hundert, по датски hundrede, всему міру издавна извѣстенъ и корень cent, благодаря его производнымъ: процентъ, сантиметръ, въ англійскомъ языкѣ: per cent, centennial, century, centenary: въ нѣмецкомъ; Zentner и др.; въ датскомъ centner и т. д.

Въ третьихъ, даже и въ томъ случаѣ, когда одинъ и тотъ же корень встрѣчается сразу въ разныхъ языкахъ, то все же зачастую онъ принимаетъ въ нихъ очень различныя формы въ зависимости отъ пройденнаго имъ различнаго фонетическаго развитія, такъ что выборъ подходящей формы становится очень затруднительной задачей. Произношеніе напр. слова change во французскомъ и англійскомъ языкахъ, несмотря на одинаковое правописаніе, совершенно различно; но въ виду того, что мы не можемъ принять ни носового звука французскаго языка, ни дифтонга ei обычнаго англійскаго произношенія, форма chanj— оказывается наиболѣе удобной для всѣхъ. Во многихъ случаяхъ мы стоимъ передъ задачей подыскать для разнообразныхъ формъ какъ бы общаго знаменателя. Если бы англійскій и нѣмецкій языки не выработали столь различную другъ отъ друга внѣшнюю форму для этимологически одинаковыхъ корней, настолько различную, что найти какую-нибудь среднюю форму не представляется возможнымъ (ср. water Wasser; tooth Zahn; speak sprechen; soap

[1]) Здѣсь авторъ повидимому говоритъ только о великороссахъ, языкъ которыхъ и называется русскимъ языкомъ. Прим. перев.

Seife; week Woche и. т. д), то германскій элементъ долженъ былъ бы преобладать въ международномъ языкѣ въ виду большого количества лицъ, говорящихъ на этихъ родственныхъ между собою языкахъ. Такъ какъ однако найти компромиссъ здѣсь не удается, то романскій элементъ въ англійскомъ языкѣ получаетъ въ большинствѣ случаевъ рѣшающее значеніе, такъ какъ онъ въ то же время встрѣчается и во французскомъ, въ испанскомъ и въ итальянскомъ, или по меньшей мѣрѣ въ одномъ изъ нихъ Отсюда—слѣдствіе, что нашъ языкъ долженъ по необходимости имѣть романскій обликъ въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ бы это можно было предполагать первоначально. Еще одно другое очень важное обстоятельство, на которое я впрочемъ уже намекалъ выше, дѣйствуетъ въ томъ же направленіи: именно тотъ фактъ, что многія, производныя отъ латинскихъ корней, слова внѣдрились въ германскіе языки даже и въ томъ случаѣ, если самъ корень въ послѣднихъ не встрѣчается. Такъ напр. въ нѣмецкомъ языкѣ намъ извѣстны слова: absentieren, Abstinenz, Artist, Dentist, dental, Moral, populär, значительно облегчающія нѣмцу пониманіе выраженій вродѣ: absenta, abstenar, arto, dento, moro, populo, хотя ихъ и нѣтъ въ его родномъ языкѣ (исключая Pöbel =populacho).

Нерѣдко возникаетъ конкурренція между двумя словами, служащая немалой помѣхой. Такъ, чтобы обозначить существительное „Arm“ (рука) наиболѣе подходящимъ представляется нѣмецкій, англійскій и скандинавскій корень „arm“, пока не оказывается, что тотъ же корень „arm“ въ смыслѣ „оружіе“ еще болѣе интернаціоналенъ (**EFIS** [1]), въ союзѣ съ armée **DEFR**, armata **I**, armada **S**, armieren **D** и т. д.), и это принуждаетъ насъ обратиться для обозначенія понятія „рука“ къ романской формѣ. Въ другихъ случаяхъ кажется, что единственнымъ способомъ избѣжать неудобныхъ омонимовъ является болѣе или менѣе произвольное измѣненіе спорныхъ словъ (такъ напр. для понятія „дверь“ слѣдуетъ остановиться на pordo вмѣсто porto, такъ какъ корень port необходимъ для обозначенія глагола portar—нести). Понятно, что послѣднимъ средствомъ должно пользоваться крайне осторожно. Во всякомъ случаѣ надо избѣгать искаженія словъ, которое доводитъ ихъ до неузнаваемости, и было удачно опредѣлено г. Блонделемъ именемъ словеснаго маскарада; въ воляпюкѣ

---

[1]) Сокращеніе D означаетъ нѣмецкій языкъ; E—англійскій; F—французскій; I—итальянскій; R—русскій; S—испанскій.

этотъ промахъ былъ возведенъ въ общій принципъ, да и Эсперанто не вполнѣ отъ него свободенъ. Какъ примѣръ подобныхъ конфликтовъ приведу выраженія понятія „душа". **E soul** было бы пожалуй наиболѣе понятнымъ для большинства людей, но мы не можемъ принять его изъ за дифтонга **ou**, такъ какъ дифтонги вообще намъ надо примѣнять крайне рѣдко въ виду ихъ неудобопроизносимости. Подъ видомъ s o l это слово тоже взято быть не можетъ, такъ какъ эта форма нужна намъ для обозначенія понятія „одинъ, одинокій" (**I**, **S**, s o l o, въ музыкѣ вполнѣ международно, **E** s o l e, **F** s e u l). **D** s e e l e, хоть и въ союзѣ со скандинавскомъ s j ä l, однако недостаточно широко распространено кромѣ того корень s e l необходимъ намъ для понятія „сѣдло" (**FIS**) **F** â m e тоже не годится, такъ какъ оно недостаточно извѣстно внѣ Франціи, да и столкнулось бы съ корнемъ **am-**, совершенно незамѣнимымъ для понятія „любить" ввиду **FIS** и многихъ производныхъ въ **E**, не говоря ужъ о словахъ вродѣ „Амуръ" и т. п. Остается лишь латинское a n i m-, лежащее въ основѣ романскихъ формъ; но непосредственное принятіе этой формы уже потому недопустимо, что намъ никакъ не обойтись безъ прилагательнаго окончанія a l-, а въ такомъ случаѣ a n i m a l обозначало бы въ одно и то же время и понятіе „душевный" и понятіе „животное", что для международнаго языка, разумѣется совершенно не годится Ничего другого не остается, какъ измѣнить немного корень a n i m- превративъ его въ **anmo**. По этому примѣру можно судить, какъ сложна иногда становится задача найти международное слово, не дающее повода къ смѣшеніямъ съ другими и къ разнымъ недоразумѣніямъ.

Какой степени международности состава удалось достичь въ созданномъ Делегаціей языкѣ, видно изъ статистики, произведенной проф. К у т ю р à: онъ подсчиталъ всѣ корни словарей первыхъ изданій, всего 5379, и нашелъ, что изъ нихъ слѣдующія числа встрѣчаются въ національныхъ языкахъ:

во французскомъ	4880	т. е.	91%
въ итальянскомъ	4454	„	83 „
въ испанскомъ	4237	„	79 „
въ англійскомъ	4229	„	79 „
въ нѣмецкомъ	3302	„	61 „
въ русскомъ	2821	„	52 „

Для всѣхъ перечисленныхъ языковъ найденныя цифры выше соотвѣтственныхъ въ Эсперанто.

Однимъ изъ лучшихъ средствъ для упрощенія запаса словъ какого-либо языка является тщательно разработанная система словообразованія, позволяющая всякому безъ затрудненій составлять большое количество новыхъ словъ при помощи правильныхъ префиксовъ и суффиксовъ; слова эти будутъ непосредственно понятны всякому, знакомому съ названными правилами.

Если удалось хорошо подобрать формы корней, встрѣчающихся въ различныхъ видоизмѣненіяхъ въ естественныхъ языкахъ, и если и производные слоги выбраны со всевозможными предосторожностями, то большое число правильно образованныхъ словъ и ихъ совпаденіе съ формами живыхъ языковъ вызываетъ немалое удивленіе.

Въ области грамматики необходимо требовать отъ каждой системы, претендующей на принятіе въ качествѣ международнаго языка, безусловно одного: совершенной правильности въ конструкціи. Всякое исключеніе изъ обычныхъ правилъ способно только запутать все и сдѣлать пользованіе указанными формами для каждаго труднымъ и неувѣреннымъ. Если извѣстно спряженіе одного глагола, то тѣмъ самымъ должны быть извѣстны и спрягательныя формы всѣхъ остальныхъ глаголовъ и т. д.

При выборѣ грамматическихъ окончаній невозможно точно провести тотъ же статистическій методъ, такъ какъ наши языки въ этомъ отношеніи еще болѣе расходятся. Но и здѣсь онъ отчасти можетъ сослужить намъ службу.

Падежи, подобно родительному и дательному, а также творительному и т. д. придется выражать конечно при помощи предлоговъ, въ виду таковой общей тенденціи западно-европейскихъ языковъ. Для винительнаго же рекомендуется имѣть особое окончаніе, хотя бы только для факультативнаго употребленія, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ нѣтъ никакой надобности въ особомъ знакѣ для отличія этого падежа отъ именительнаго. Спеціальнаго окончанія для винительнаго падежа нѣтъ ни въ романскихъ языкахъ, ни въ англійскомъ и скандинавскихъ; славянскіе языки намъ тоже здѣсь помочь не могутъ, такъ что остается одинъ лишь нѣмецкій, гдѣ въ женскомъ и среднемъ родѣ для винительнаго падежа тоже нѣтъ особаго окончанія, но зато въ мужскомъ родѣ оно нерѣдко встрѣчается въ видѣ -n напримѣръ: den guten Knaben.

То обстоятельство, что это же окончаніе употребляется въ нѣмецкомъ языкѣ и для дательнаго падежа множественнаго числа

и для неопредѣленнаго наклоненія, не можетъ служить помѣхой примѣненію его къ винительному падежу въ нашемъ языкѣ. Но это окончаніе заставляетъ насъ взять для именительнаго падежа или корня именъ существительныхъ (точно такъ же и для прилагательныхъ и мѣстоименій) формы, оканчивающіяся на гласныя. (Въ качествѣ окончанія винительнаго падежа -n встрѣчается кромѣ нѣмецкаго въ греческомъ и финскомъ языкахъ).

Изъ гласныхъ въ данномъ случаѣ разговоръ можетъ быть только объ o или a, часто встрѣчающихся въ славянскихъ языкахъ, а также въ I и S, въ качествѣ окончаній именъ существительныхъ и прилагательныхъ. Такъ какъ въ искусственномъ языкѣ разумѣется не должно быть мѣста грамматическому роду (E gender въ отличіе отъ естественнаго пола E sex), то мы не можемъ распредѣлить окончанія o и a такъ, какъ они распредѣлены въ естественныхъ языкахъ, гдѣ первое зачастую, хотя и не исключительно, является характеристикой мужского рода (IS, въ русскомъ же и польскомъ оно обозначаетъ средній родъ), тогда какъ a часто, хотя тоже не всегда, встрѣчается въ женскомъ родѣ. Конечно сама собою можетъ напрашиваться мысль предоставить o для обозначенія естественно мужского пола, a—для женскаго; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ важно обозначеніе предметовъ, понятій или живыхъ существъ внѣ отношенія къ ихъ полу, опускать всякое окончаніе. Проведеніе такого правила было бы однако связано съ немалыми затрудненіями, о которыхъ мы не будемъ здѣсь распространяться. (Этотъ вопросъ былъ однимъ изъ пунктовъ, вызвавшихъ въ Комитетѣ Делегаціи наиболѣе оживленный и детальный обмѣнъ мнѣній). Въ пользу принятаго въ Эсперанто распредѣленія, гдѣ окончаніе o характеризуетъ имя существительное, а a—прилагательное, можно дѣйствительно привести многое, и какъ замѣчаетъ Couturat выраженіе „la bona viro“ должно на практикѣ казаться не болѣе страннымъ, чѣмъ итальянское „il buono poeta“.

Прилагательное можно безъ вреда оставить неизмѣннымъ, какъ это мы видимъ и въ англійскомъ. Для множественнаго числа именъ существительныхъ годится окончаніе i, употребляемое съ тѣмъ же значеніемъ въ I, въ русскомъ и въ большинствѣ славянскихъ языковъ, какъ и въ новогреческомъ; небезызвѣстно оно и англичанамъ изъ иностранныхъ словъ вродѣ banditti.

Единственное окончаніе, которое могло бы пожалуй конкуррировать съ-i, было бы -s, (F, хотя обыкновенно здѣсь оно больше

не произносится; затѣмъ въ **S**, **E**, отчасти **D** и по голландски); но если мы условились взять **-n** въ качествѣ окончанія винительнаго падежа, то **-s** ужъ болѣе недопустимо, такъ какъ формы вродѣ virosn и virons немыслимы.

Что касается затѣмъ глагольныхъ окончаній, то намъ придется, если только мы хотимъ имѣть ихъ для неопредѣленнаго наклоненія, принять на основаніи нашихъ принциповъ **-r**, встрѣчающееся во всѣхъ романскихъ языкахъ, въ виду того, что ни нѣмецкое **-n**, примѣненное уже въ другомъ мѣстѣ, ни славянское небное **-t** (**-ть** или **c**) не могутъ разсчитывать на избраніе, въ англійскомъ же вообще нѣтъ никакого окончанія. Передъ **-r** должна быть поставлена какая-нибудь гласная, какая именно—выяснится далѣе. Для причастія дѣйствительнаго и страдательнаго залога рѣчь можетъ итти только о **-nt** и **-t**; вопросъ о гласныхъ пока тоже пусть будетъ нерѣшеннымъ. Наибольшимъ затрудненіемъ является повидимому вопросъ о временахъ изъявительнаго наклоненія, среди которыхъ слѣдуетъ различать настоящее, прошедшее и будущее. Въ этомъ пунктѣ живые языки такъ расходятся, что изслѣдованія наибольшей степени международности здѣсь является недостаточнымъ, особенно въ виду того, что обозначенія временъ повсюду тѣсно переплетены съ обозначеніями лицъ и чиселъ, совершенно излишнихъ для насъ. Это было причиной того, что Комитетъ Делегаціи не нашелъ пока ничего болѣе подходящаго, какъ заимствовать у Эсперанто окончаніе **-as** для обозначенія настоящаго времени, **-is** для прошедшаго и **-os** для будущаго. Тѣ же комбинаціи гласныхъ можно распространить и на времена неопредѣленнаго наклоненія и причастій, такъ что обыкновенными формами будутъ: **-ar**,**-anta**,**-ata**, (конечное **a** принято вѣдь для прилагательнаго), тогда какъ **-ir**,**-inta**,**-ita**, и **-or**,**-onta**,**-ota**, останутся для болѣе рѣдкихъ формъ, когда необходимо подчеркнуть другое время въ причастіи или неопредѣленномъ наклоненіи. Нѣсколько окончаній a priori не могутъ причинить большого вреда въ грамматикѣ, настолько легкой, что вся она можетъ быть изучена въ какіе-нибудь полчаса.

Я закончилъ свой разборъ, цѣлью котораго было показать, по какимъ путямъ шло развитіе „Языка Делегаціи". Въ результатѣ мы получили языкъ, очень легко изучимый всякимъ, и представляющій передъ другими искусственными языками то преимущество, что онъ построенъ на раціональной научно-технической основѣ и потому можетъ не опасаться, что въ одинъ прекрасный

день появится еще лучшій и существенно отъ него отличный языкъ, который и одержитъ окончательную побѣду. Разумѣется кое въ чемъ придется исправлять нѣкоторыя детали, именно тамъ, гдѣ принципы не проведены еще достаточно успѣшно для достиженія наиболѣе цѣлесообразнаго выраженія, но основанія заложены во всякомъ случаѣ прочно и общій вспомогательный языкъ человѣчества не можетъ существенно отличаться отъ созданнаго нынѣ „Internaciona linguo" или въ сокращеніи „Interlinguo" или еще короче, по начальнымъ буквамъ: „Ilo".

Отто Іесперсенъ.

Профессоръ Копенгагенскаго Университета, Членъ Корол. Датской Академіи Наукъ.

Прибавленіе:

Къ критикѣ Эсперанто.

Въ дополненіе къ предыдущей главѣ мы приведемъ нѣсколько критическихъ замѣтокъ относительно Эсперанто, которыя помогутъ намъ познакомиться съ нѣкоторыми изъ причинъ, сдѣлавшихъ принятіе этого языка въ томъ видѣ, какъ онъ сейчасъ существуетъ, и провозглашеніе его международнымъ вспомогательнымъ языкомъ со стороны выбранной для этой цѣли Делегаціи невозможнымъ.

Д-ръ Заменгофъ разсказалъ въ одномъ интересномъ повѣствованіи о томъ, какъ еще во время ученія въ одной изъ варшавскихъ гимназій въ глубинѣ его души постепенно созрѣвалъ проэктъ международнаго языка, вылившійся затѣмъ въ форму Эсперанто. Еще до того, какъ онъ пришелъ къ выводу, что матеріаломъ для словаря должны быть романско-германскіе источники, и что необходимо использовать запасъ словъ, уже ставшихъ интернаціональными, онъ „просто придумывалъ" свои слова, то есть составлялъ ихъ вполнѣ произвольно, лишь по возможности короче и систематичнѣе. И хотя онъ уже по собственному опыту убѣдился въ томъ, что такія слова трудно заучить и еще труднѣе удержать въ памяти, однако онъ, къ сожалѣнію, сохранилъ цѣлый рядъ такихъ образованій a priori въ своемъ окончательномъ языкѣ и даже для такихъ, часто въ рѣчи повторяющихся, понятій, какъ: „кто, какъ, гдѣ, никогда, вездѣ и т. д." Принятые Делегаціей nultempe и pro quo гораздо лучше подходятъ къ общему характеру языка, чѣмъ эсперантскіе neniam и kial.

Происхожденіе нѣкоторыхъ отличительныхъ особенностей этого языка можетъ быть сведено къ славянскому родному языку автора. Такъ напримѣръ обиліе шипящихъ звуковъ и дифтонговъ, особенно въ самостоятельно придуманныхъ словахъ, (напр. **chi** здѣсь, **chiu** каждый, **ech** даже, **ghi** то, **ghis** до; **gh** и **ch** произносятся какъ **дж** и **ч**). Въ одной статьѣ Krestomatio Заменгофа я

нахожу напримѣръ выраженіе слѣдующаго рода (стр. 288): „chiuj tiuj senantáujughaj kaj honestaj homoj, kiuj, anstatau filozofadi pri ghi“ или въ другомъ мѣстѣ (стр. 293): „tion chi ankorau antau la apero de la unua arta lingvo antauvidis kaj antaudiris chiuj tiuj eminentaj kapoj kiuj etc“.

Русскаго происхожденія также и способъ писанія звука **x**: ekzameni, ekzemplo и др., но въ то же время ekspedi, eksplodi; точно также и **kv** вмѣсто **qu**. Во французскихъ словахъ съ дифтонгомъ **oi**, послѣдній замѣненъ въ Эсперанто **ua**, тамъ гдѣ таково правописаніе этихъ словъ согласно русской орфографіи: trotuaro, tualeto, vuala, въ другихъ же случаяхъ **oi** или **oj**: foiro, fojo, foino. Русскій языкъ напоминаютъ и nacio, tradicio, вмѣсто болѣе правильныхъ naciono, tradiciono. Русское происхожденіе автора очевидно внушило и такія словообразованія, какъ elparoli и senkulpigi, вмѣсто болѣе международныхъ pronuncar и exkuzar (по-русски: выговаривать и извинять, соотвѣтствующія **D** aussprechen и entschuldigen). Синтаксическая особенность употребленія нарѣчія вмѣсто прилагательнаго въ выраженіяхъ, подобныхъ слѣдующему: estas necese vidi необходимо видѣть, вызвана повидимому совпаденіемъ русскаго нарѣчія съ прилагательнымъ сказуемымъ въ среднемъ родѣ; это правило однако недопустимо въ международномъ языкѣ, такъ какъ при свободѣ словорасположенія совершенно невозможно понять, что должно значить „estas vere necese“: „это дѣйствительно необходимо“ или „это по необходимости вѣрно“? Сложное прошедшее время (me estas aminta „я любилъ“ собственно: „я есмь любившій“) напоминаетъ польское kochal-em. Наконецъ и частое употребленіе прилагательнаго (окончаніе на **a**) вмѣсто родительнаго падежа (напр. Zamenhofa lingvo) и обоихъ „видовъ дѣйствія“ при помощи аффиксовъ ek и ad (ekvidi и vidadi во многихъ случаяхъ, гдѣ было бы достаточно простого vidi) можетъ быть сведено на обычаи русскаго языка.

Я конечно не порицаю идею переносить хорошія особенности отдѣльныхъ національныхъ языковъ въ международный вспомогательный, съ цѣлью обогатить послѣдній; такъ напримѣръ, той легкости, съ которой германскіе и славянскіе языки образуютъ сложныя слова, слѣдуетъ отдать предпочтеніе передъ романской бѣдностью въ этомъ отношеніи и скомбинировать ее съ болѣе характерной для романскихъ языковъ способностью примѣненія

производящихъ суффиксовъ; но надо во всякомъ случаѣ избѣгать тѣхъ особенностей національныхъ языковъ, которыя мѣшаютъ легкому пониманію или находятся въ противорѣчіи съ требованіемъ международной распространенности.

Насколько непрактичны буквы, снабженныя протяжнымъ удареніемъ (циркумфлексомъ), было уже выше указано; здѣсь мы замѣтимъ лишь, что буквы Заменгофа въ систематическомъ отношеніи во всякомъ случаѣ не могутъ быть поставлены на одну доску съ таковыми же чешскими, такъ какъ звуковой параллелизмъ между s и ṡ, z и j, dz и ġ, въ Эсперанто затемненъ произвольнымъ выборомъ знаковъ, что даетъ имъ очень дилеттантскій характеръ.

Помимо общеизвѣстныхъ частей рѣчи, характеризуемыхъ особыми окончаніями, Заменгофъ придумалъ еще одну новую, снабженную признакомъ au (kontrau, almenau); но границы этого класса словъ, объединяющаго нѣкоторыя, но далеко не всѣ, нарѣчія и предлоги, совершенно неуяснимы.

Много словъ, взятыхъ изъ извѣстныхъ живыхъ языковъ, искажены почти какъ въ воляпюкѣ: такъ boji **F** aboyer; parkere **F** par coeur; shvit **D** schwitzen, **E** sweat; cha^r **F** car, faruno вмѣсто farino, lerta **F** alerte съ измѣненіемъ смысла и т. д. Сюда же относится и удивительное „nepre“ (по смыслу: совершенно), происшедшее отъ русскаго „непремѣнно“ совершенно такимъ же образомъ, какъ еслибы мы вздумали выдѣлить изъ **D** unbedingt два первыхъ слога и предложить unbe въ качествѣ международнаго слова вмѣсто absolute.

Скупость въ запасѣ корней проведена въ Эсперанто слишкомъ далеко и заставляетъ образовывать слова, угадываніе истиннаго смысла которыхъ представляетъ нерѣдко довольно-таки головоломную задачу. Употребленіе всѣхъ суффиксовъ также и въ качествѣ самостоятельныхъ словъ, хотя и довольно остроумно, но на непредвзятаго человѣка производитъ странное впечатлѣніе.

Ученіе о словообразованіи въ отношеніи точности часто оставляетъ желать лучшаго, въ особенности границы такъ называемаго непосредственнаго производства проведены недостаточно рѣзко; (приведу только одинъ примѣръ: если исходить отъ kroni „короновать“, то „коронованіе“ должно было бы быть собственно говоря krono; но это слово значитъ „корона“, а для перваго приходится образовывать kronado, которое въ свою очередь согласно правиламъ Эсперанто должно по смыслу означать „пос-

тоянное или повторяемое коронованіе", какъ будто короли впродолженіе долгаго времени подвергаются повторному обряду коронаціи). [1])

Я привелъ здѣсь главнѣйшіе недостатки Эсперанто, исправить которые было цѣлью Комитета Делегаціи. Уясненіе этихъ промаховъ вовсе не мѣшаетъ мнѣ признавать заслуги Заменгофа, съумѣвшаго создать международный языкъ въ то время, когда вопросъ о наилучшемъ построеніи такого языка еще не былъ серьезно поставленъ; этотъ языкъ во многомъ превосходилъ всѣ другія аналогичныя попытки того времени и доказалъ на практикѣ свою пригодность въ качествѣ средства международнаго сообщенія, нуждающагося впрочемъ въ значительныхъ реформахъ.

Проф. Отто Іесперсенъ

---

[1]) Относительно критики Эсперанто ср. Zamenhof, Pri reformoj en esperanto, 1894, represita per zorgo de E. Javal, 1907, (содержитъ много интереснаго, къ сожалѣнію забытаго нынѣ эсперантистами); A. Liptay Eine gemeine sprache der Naturvölker, 1891; E. Beermann, Die internationale Hilfs-sprach Novilatin, 1907; K. Brugmann und A. Leskien, Zür Kritik der künstlichen Weltsprachen, 1907; Couturat et Leau, Conclusions du rapport, 1907; L. Couturat, Etude sur la derivation en esperanto, 1907; Jdo, Les vrais principes de la langue auxiliaire, 1908; многія статьи въ журналѣ Progreso 1908; T. Borgius, Warum ich Esperanto verliess, 1908.

Глава IV.

О примѣненіи логики къ проблемѣ международнаго языка.

Вопросъ о международномъ языкѣ имѣетъ такое же теоретическое, какъ и практическое значеніе. Въ мою задачу здѣсь не входитъ разбирать послѣднее или еще разъ подчеркивать необходимость вспомогательнаго языка для международныхъ сношеній всякаго рода, я не имѣю въ виду говорить и о практической выполнимости взаимопониманія при помощи искусственнаго языка, такъ какъ эта возможность отнынѣ доказывается опытомъ. Но согласно слову знаменитаго филолога Шухардта, международный языкъ является также и научнымъ дезидератомъ, и съ этой точки зрѣнія наша проблема становится въ одно и то же время и лингвистической и логической. Что вопросъ этотъ вообще заслуживаетъ вниманія ученыхъ, видно изъ его разбора профессорами Дильсомъ и Гомперцомъ, изъ докладовъ сдѣланныхъ Бругманномъ и Лескиномъ въ Королевской Академіи Наукъ въ Лейпцигѣ, и наконецъ изъ работъ и заключеній Комитета Делегаціи для выбора международнаго языка, состоявшаго изъ выдающихся ученыхъ спеціалистовъ и языковѣдовъ; эта делегація, какъ извѣстно, недавно окончательно установила принципы вспомогательнаго языка и попыталась осуществить ихъ на дѣлѣ.

Мнѣ хочется въ дальнѣйшемъ вкратцѣ изложить, какимъ образомъ международный языкъ связанъ съ логикой и почему онъ заслуживаетъ вниманія со стороны философовъ.

Уже Лейбницъ сказалъ: „Языки являютъ собою самое совершенное зеркало человѣческаго духа и тщательное аналитическое изслѣдованіе значенія словъ могло бы лучше всего иного охарактеризовать умственные процессы“. (N. Essais III. VII, конецъ) Но большинство философовъ (за нѣсколькими знаменитыми исключеніями, подобно Вундту) и подавляющее число языковѣдовъ (опять исключая нѣкоторыхъ, въ томъ числѣ и M. Breal'я)

очень мало интересовались языкомъ съ психологической и логической точки зрѣнія. Изслѣдованіе такого рода становится однако удивительно легкимъ и интереснымъ, коль скоро дѣло идетъ объ искусственномъ языкѣ, обладающимъ структурой аналогичной нашимъ національнымъ языкамъ, но значительно упрощенной и урегулированной.

Слова международнаго языка составляются изъ неизмѣнныхъ элементовъ (морфемъ) троякаго рода: корней, производящихъ аффиксовъ (префиксовъ и суффиксовъ) и грамматическихъ флексій; послѣднія здѣсь, какъ и во всѣхъ европейскихъ языкахъ, всегда конечныя буквы или слоги.

Сами корни могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: глагольные корни, выражающіе состояніе, дѣйствіе или отношеніе: dorm-, parol-, frap-, („спать", „говорить", „ударять"), и корни именные (или неглагольные), опредѣляющіе предметъ (существо или вещь) или ближайшее обозначеніе предмета: hom, dom, bel, blind, („человѣкъ", „жилище", „красота", „слѣпота"). Послѣдніе могутъ давать только имена нарицательныя (существительныя или прилагательныя): человѣкъ, домъ, красивый, слѣпой; первые же въ противоположность этому даютъ непосредственно глаголы: спать, говорить, ударять; но и они могутъ послужить поводомъ къ образованію именъ нарицательныхъ: сонъ, рѣчь, ударъ. Грамматическія окончанія служатъ исключительно для того, чтобы опредѣлять грамматическія функціи корней и вызывать тѣ понятія, которыя они уже сами по себѣ выражаютъ, либо подъ видомъ имени существительнаго, либо глагола, прилагательнаго и даже нарѣчія; такъ напр.: parol-ar говорить, parol-o слово, parol-a словесный, parol-e словесно. Понятіе, опредѣляемое самимъ корнемъ, остается однимъ и тѣмъ же, но переходитъ изъ одной грамматической категоріи въ другую. Это обстоятельство ведетъ свое происхожденіе отъ слѣдующаго принципа, царящаго надъ всѣмъ построеніемъ международнаго языка: каждый словесный элементъ (морфема) является представителемъ какого-либо элементарнаго понятія, никогда не мѣняющаго своего значенія, такъ что комбинація такихъ элементовъ имѣетъ всегда опредѣленный смыслъ въ зависимости отъ сочетанія выражаемыхъ ими понятій. Этотъ принципъ есть не что иное, какъ слѣдствіе изъ болѣе общаго положенія объ однозначности, освѣщеннаго въ особенности В. Оствальдомъ, и гласящаго: „Между понятіями

и выражающими ихъ морфемами существуетъ однозначное соотношеніе".

Легко понять, что этотъ принципъ представляетъ собою, можно сказать, идеалъ всякаго языка, такъ какъ языкъ, который въ сущности является системой условныхъ знаковъ, только тогда можетъ быть теоретически совершеннымъ (и удобнымъ на практикѣ), когда онъ состоитъ исключительно изъ однозначныхъ соотношеній между этими знаками и понятіями, которыя необходимо выразить.

Изъ этихъ основныхъ положеній слѣдуетъ, что совершенно несправедливо утверждать, какъ часто приходится слышать, (въ частности и относительно словообразованія въ эсперанто), будто для того, чтобы образовать глаголъ, достаточно къ данному корню приставить какое-нибудь окончаніе (напр. **ar**; соотвѣтственно **o** для имени существительнаго; **a** для прилагательнаго).

Если поступать при словообразованіи такимъ образомъ, то пришлось бы предварительно рѣшить для каждаго отдѣльнаго случая, какое значеніе слѣдуетъ приписать полученному такимъ способомъ глаголу, существительному, прилагательному. Другими словами: въ международномъ языкѣ каждой производной формѣ должно соотвѣтствовать производное понятіе, опредѣляемое общими правилами, но отнюдь не произвольно. Если dormar означаетъ спать, то dormo не можетъ безразлично значить: спящій человѣкъ, либо спальная комната, или даже сонливость; если blinda слѣпой, то blindo не должно произвольно означать то слѣпоту, то процессъ ослѣпленія. Руководящимъ правиломъ въ этомъ случаѣ должно быть вышеприведенное положеніе, что корень сохраняетъ одно и то же значеніе и во всякомъ случаѣ обозначаетъ одно и то же понятіе. Если желательно выразить какое-нибудь новое понятіе, стоящее съ первымъ въ опредѣленной связи, то необходимо приставить къ корню морфему, характеризующую это соотношеніе. Морфемами, обозначающими соотношенія понятій между собою, и являются производящіе аффиксы; они позволяютъ выразить цѣлую группу родственныхъ понятій при помощи и въ качествѣ функціи одного основного понятія и параллельно этому ряду образовать цѣлый рядъ словъ, производныхъ отъ общаго корня. Этотъ процессъ встрѣчается и въ нашихъ естественныхъ языкахъ. Нѣкоторые изъ такихъ аффиксовъ обыкновенно невѣрно помѣщаются среди грамматическихъ флексій; такъ напримѣръ суффиксы причастія, служащія для

производства прилагательныхъ (или существительныхъ) отъ глаголовъ; въ дѣйствительности они обозначаютъ то, что производитъ какое-нибудь дѣйствіе или подвержено выражаемому корнемъ состоянію либо отношенію: dorm-ant-a спящій; parol-ant-a говорящій; отсюда, измѣняя конечную букву, можно произвести: dormant-o спящій человѣкъ, parolant-o ораторъ. На этомъ примѣрѣ легко замѣтить разницу между непосредственнымъ производствомъ, характеризуемымъ перемѣной грамматическихъ окончаній, и производствомъ при помощи добавленія аффиксовъ; это различіе вовсе не содержитъ въ себѣ элементовъ произвольности, оно покоится на упомянутыхъ выше простыхъ логическихъ принципахъ, составляющихъ именно теоретическую и практическую цѣнность международнаго языка.

Изъ этихъ принциповъ слѣдуютъ правила непосредственнаго производства. Если взять за исходную точку какой-нибудь глагольный корень, то спрашивается, каковъ будетъ смыслъ непосредственно отъ него произведеннаго существительнаго? Оно не можетъ означать ничего иного, кромѣ самого состоянія или дѣйствія, выражаемаго глаголомъ, напр.: dorm'ar спать; dorm'o сонъ; parol'ar говорить, parol'o рѣчь; frap'ar ударять, frap'o ударъ. Таково значеніе глагольнаго корня; оно подтверждается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нашихъ естественныхъ языкахъ нерѣдко неопредѣленное наклоненіе употребляется въ томъ же смыслѣ: **F** le manger, le boire, le dormir, le rire, соотвѣтственно **D** Das Essen, das Trinken, das Schlafen, das Lachen. (Въ англійкомъ языкѣ въ аналогичныхъ случаяхъ вмѣсто неопредѣленнаго наклоненія примѣняется причастіе: the eating). Такимъ образомъ неопредѣленное наклоненіе можно отождествить съ глагольнымъ существительнымъ.

Если мы будемъ исходить отъ какого-нибудь именного корня, то встаетъ вопросъ: каково будетъ въ этомъ случаѣ соотношеніе между прилагательнымъ и существительнымъ, отъ него непосредственно произведеннымъ?

Несомнѣнно, что они оба должны имѣть тотъ же самый смыслъ внѣ зависимости отъ того, которое изъ нихъ мы будемъ считать за первоначальное. Если avar'a скупой, то avar'o скаредникъ; если blind'a слѣпой, то blind'o слѣпецъ. Это правило тѣмъ болѣе важно, особенно на практикѣ, что существуетъ масса именныхъ корней, о которыхъ невозможно сказать, произошли ли они первоначально отъ имени существительнаго или прилагательнаго.

Примѣры: vidv'a вдовый, vidv'o вдовецъ; nobel'a благородный, nobel'o дворянинъ; sant'a святой, sant'o святой, угодникъ. Но особенно важно это для обозначенія приверженцевъ того или иного ученія: katolik'o, katolik'a; skeptik'o, skeptik'a etc. Было бы непонятно, еслибы для того, чтобы перевести эти слова одно въ другое, надо было прибѣгнуть къ какому-либо суффиксу. Только одинъ незначительный оттѣнокъ отличаетъ „katolika skeptiko" отъ „skeptika katoliko" и здѣсь и тамъ существительное показываетъ главное основное качество, подчиняющее себѣ второе.

Это ведетъ насъ къ уясненію принципа обратимости, который можетъ быть формулированъ слѣдующими словами: „Всякое словопроизводство должно быть обратимо, то есть, если мы, слѣдуя опредѣленному правилу, переходимъ отъ одного слова къ другому того же корня, то должна быть предоставлена также возможность перейти отъ второго къ первому согласно совершенно обратному правилу".

Это положеніе повидимому является тоже слѣдствіемъ изъ принципа однозначности, такъ какъ въ противномъ случаѣ результатомъ была бы необходимость приписывать одному и тому же слову два значенія. Предположимъ напр., что мы были бы того мнѣнія, что отъ слова kron'o—корона можно непосредственно (какъ это и случается въ Эсперанто) произвести глаголъ: kron'ar со значеніемъ „короновать"; тогда было бы возможно, идя обратнымъ путемъ и слѣдуя тому же общему правилу, образовать отъ этого глагола существительное kron'o, по смыслу теперь „коронованіе, коронація". Значитъ, въ одно и то же время одно и то же слово kron'o могло бы означать и „корона" и „коронація". Такого рода словопроизводство очевидно заключаетъ въ себѣ логическую ошибку и недопустимо въ международномъ вспомогательномъ языкѣ, какъ бы часты ни были въ нашихъ живыхъ языкахъ примѣры тому. Въ противовѣсъ этому недостатку благодаря проведенію въ интернаціональномъ языкѣ принципа обратимости, въ немъ можно, исходя отъ любого слова любого корня дойти до другого слова того же корня или вернуться къ точкѣ отправленія, совершенно однозначнымъ способомъ, и не рискуя получить для одного и того же слова два различныхъ смысла.

Но принципъ обратимости опредѣляетъ правила непосредственнаго словопроизводства и для обратныхъ разобраннымъ нами случаевъ. Въ то время, какъ существительное, произведенное непосредственно отъ глагола, обозначаетъ дѣйствіе или состояніе,

характеризуемое глаголомъ (или лучше сказать его корнемъ), глаголъ не можетъ быть непосредственно произведенъ отъ существительнаго, если только послѣднее не выражаетъ какого-либо дѣйствія или состоянія. Если напр. pac'o миръ, то спрашивается, каково должно быть значеніе глагола pac'ar? Этотъ глаголъ можетъ означать только одно: „находиться на положеніи мира", но никоимъ образомъ не „умиротворять" или „заключать миръ", такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ pac'o должно было бы значить: „умиротвореніе" или „заключеніе мира" но не „положеніе мира".

Точно такъ же, если желательно или необходимо превратить имя прилагательное въ существительное, то первое, непосредственно происшедшее отъ второго путемъ простой перемѣны **-o** на **-a**, не можетъ означать ничего иного, какъ: „что . . . есть". Если hom'o человѣкъ, то hom'a не можетъ быть „человѣческій, людской", развѣ что въ смыслѣ: „что человѣкъ есть", т. е. homa ento=человѣческое существо; если же хотятъ получить опредѣляющее прилагательное такого рода: „что . . . принадлежитъ", „что къ . . относится", „что отъ . . . зависитъ", то необходимо примѣнить суффиксъ (въ международномъ языкѣ дая этого случая есть **-al**): homala manuo человѣческая рука. Съ такимъ же правомъ можно сказать: manuo di homo т. е. рука человѣка; но какъ въ послѣдней фразѣ нельзя опустить предлога di, если необходимо выразить взаимоотношеніе обоихъ понятій, не просто стоящихъ рядомъ, а связанныхъ другъ съ другомъ, точно такъ же обязательно присутствіе суффикса, опредѣляющаго это соотношеніе или эту зависимость въ томъ случаѣ, если желательно поставить одно изъ понятій въ видѣ имени прилагательнаго. Этотъ суффиксъ существуетъ впрочемъ и во всѣхъ нашихъ живыхъ языкахъ, только подъ различными формами: **D** isch, lich: E -ic, -al, -ical; F-ique, -al, -el; I -ico; S -ico; R -ый,-ій. Для интернаціональнаго языка былъ выбранъ **-al**, а не **-ic** въ виду соображеній благозвучія, а также его большей международности, особенно если принять во вниманіе, что самыя распространенныя, примѣняемыя въ наукѣ, прилагательныя оканчиваются преимущественно на **-al**: мент**аль**ный, фок**аль**ный, специ**аль**ный, раціон**аль**ный, универс**аль**ный, функціон**аль**ный и т. д.

Здѣсь мѣсто для одного общаго замѣчанія. Международный языкъ заимствуетъ свои корни у европейскихъ языковъ согласно принципу максимума международности, т.-е. онъ беретъ для выраженія какого-либо понятія корень, понятный наиболь-

шему числу людей; но онъ не долженъ и не можетъ почерпать изъ живыхъ языковъ производныя этихъ корней безъ риска лишиться всѣхъ своихъ теоретическихъ и практическихъ преимуществъ, такъ какъ словопроизводство въ этихъ языкахъ слишкомъ неправильно. Въ нихъ то одинъ и тотъ же аффиксъ имѣетъ разнообразное значеніе, то одно и то же отношеніе выражается при помощи различныхъ аффиксовъ. Согласно принципу однозначности требуется, чтобы смыслъ и примѣненіе аффиксовъ были приведены къ однообразію и правильности съ тѣмъ, чтобы каждый изъ нихъ обладалъ однимъ лишь значеніемъ и одной функціей, но чтобы послѣднія были вполнѣ опредѣлены. Безъ сомнѣнія, приходится выбирать для этой цѣли въ качествѣ аффиксовъ по преимуществу международныя формы, или по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя встрѣчаются въ нѣсколькихъ языкахъ (такъ напр. суффиксъ **-in** для обозначенія женскаго пола; ср. **D** Königʼin **R** княг-ин-я; или префиксъ **mal-** для обозначенія противоположности, изъ **F** mal-heureux). Цѣль этого мѣропріятія заключается въ томъ, чтобы вернуться къ возможно большему числу международныхъ производныхъ словъ. Но было бы напраснымъ стараніемъ, если бы мы пожелали взять ихъ всѣхъ для нуждъ международнаго языка, въ виду того, что они въ цѣломъ пестрятъ ошибками и въ силу этого несовмѣстимы съ логической стройностью конструкціи искусственнаго языка; а вѣдь эта стройность и является главнымъ моментомъ, обусловливающимъ не только богатство новаго языка, но и простоту пользованія имъ и легкость изученія для всѣхъ народовъ (даже и для не-европейцевъ, незнакомыхъ съ аномаліями и капризами словопроизводства въ нашихъ естественныхъ языкахъ). Международный языкъ долженъ быть автономенъ въ своемъ словообразованіи. Выбравъ по возможности удачнѣе свои элементы изъ запаса нашихъ языковъ, онъ долженъ быть въ состояніи свободно сочетать ихъ согласно своимъ собственнымъ правиламъ, заботясь строго сохранять ихъ форму и смыслъ неизмѣнными. Только при этомъ условіи искусственный языкъ можетъ стать настоящимъ языкомъ, (во многихъ отношеніяхъ даже богаче нашихъ, такъ какъ онъ въ состояніи образовывать всѣ необходимыя производныя слова, нерѣдко недостающія то одному, то другому изъ нихъ), а не быть только простымъ подражаніемъ, слѣпкомъ съ нашихъ языковъ: въ послѣднемъ случаѣ онъ былъ бы такъ же труденъ, какъ и они, и требовалъ бы предварительнаго знакомства съ ними.

Мы не имѣемъ въ виду разбирать здѣсь всѣ формы посредственнаго производства и перечислять всѣ 47 аффиксовъ, принятыхъ въ международномъ языкѣ. Мы приведемъ только нѣсколько изъ нихъ въ качествѣ примѣровъ, чтобы иллюстрировать примѣненіе вышеизложенныхъ принциповъ. Если вообще можно говорить о какомъ нибудь суффиксѣ, особенно важномъ для философовъ, то такимъ разумѣется будетъ тотъ, который позволяетъ образовать отъ прилагательнаго имя соотвѣтствующаго отвлеченнаго качества: это тотъ греческій суффиксъ, -otet, латинскій -itat (itud), отъ котораго происходятъ F -té, -ité, E -ity, I -ità, S -itad, D -heit или -keit, и т. д.[1]) Логическое соотношеніе, выражаемое этимъ суффиксомъ, такимъ образомъ хорошо извѣстно и ясно опредѣлено въ нашихъ языкахъ. Оно должно, безъ сомнѣнія, перейти и въ международный языкъ; спрашивается, однако, какому суффиксу поручить представлять его?. Если мы станемъ анализировать понятіе, выражаемое упомянутымъ суффиксомъ, то найдемъ что beauté—красота, santé-Gesundheit—здоровье, cécité-Blindheit—слѣпота, выражаютъ не что иное, какъ состояніе красиваго, здороваго, слѣпого, или самый фактъ красоты, здоровья, слѣпоты и т. д. Понятіе, присущее этому суффиксу, заключаетъ въ себѣ значитъ понятіе бытности, не существованія, а именно „бытности тѣмъ или инымъ", понятіе сказуемости (Prädikation, Aussage, attribution), характеризуемое связкой „есть". Для его выраженія въ международномъ языкѣ выбранъ индоевропейскій корень слова „быть": -es-: bel-es-o красота; san-es-o здоровье; blind-es-o слѣпота и т. д. Тотъ фактъ, что этотъ суффиксъ напоминаетъ употребляемое въ томъ же смыслѣ F esse въ richesse, I ezza въ bellezza, E ness въ happiness, заставляетъ смотрѣть на выборъ этого суффикса, сдѣланный первоначально изъ чисто логическихъ соображеній, какъ на чрезвычайно удачный. И это вполнѣ согласуется съ нашими общими правилами: „быть здоровымъ" мы переведемъ: esar sana или sanesar, и фактъ бытія здоровымъ будетъ посему вполнѣ правильно называться saneso—здоровье. Если наоборотъ исходить отъ saneso—здоровье, то необходимо будетъ образовать глаголъ: sanesar—быть здоровымъ. При этомъ нѣтъ никакой опасности ошибиться или запутаться въ производныхъ словахъ, каковъ бы ни былъ въ каждомъ случаѣ исходный пунктъ, разъ только мы будемъ строго слѣдовать принципу обратимости. Поэтому было бы не только совершенно про-

[1]) Пожалуй русское -ота и сть. Прим. Перев.

извольнымъ, но и прямо противнымъ здравому смыслу желать выразить „здоровье“ словомъ san'o, не могущимъ означать ничего иного, кромѣ „здоровое существо“, „здоровый человѣкъ“. Не слѣдуетъ думать, какъ часто приходится слышать, будто прилагательное служитъ выраженіемъ какого-нибудь качества; оно въ дѣйствительности выражаетъ не болѣе, какъ именно то, что имѣетъ это качество. Этимъ объясняется тотъ фактъ, что всѣ наши языки пользуются суффиксомъ для производства отъ прилагательнаго —имени нарицательнаго соотвѣтствующаго качества.

Но задачею нашихъ языковъ является нерѣдко также и необходимость выразить обратное отношеніе, именно отношеніе между индивидомъ, обладающимъ даннымъ качествомъ, и самимъ качествомъ. Ибо, если есть имена нарицательныя качественныя, производныя отъ прилагательныхъ, какъ beauté, gaieté, bellezza, Tapferkeit, Gleichheit, красота, храбрость, то съ другой стороны есть и другія, первичныя, отъ которыхъ образуются обратнымъ процессомъ соотвѣтствующія прилагательныя: такъ courage, courageux; joie, joyeux; beauty, beautiful; Glück, glücklich; Freude, freudig; радость, радостный; красота, красивый. И какъ изъ приведеннаго примѣра замѣтно, наши языки примѣняютъ въ этомъ случаѣ рядъ между собою аналогичныхъ суффиксовъ. Очевидно, международному языку приходится подражать имъ, такъ какъ онъ не можетъ декретировать, чтобы всѣ качественныя имена нарицательныя были словами производными или чтобы они всѣ были первичны; это было бы совершенно произвольнымъ однообразіемъ, не согласнымъ ни съ общимъ духомъ нашихъ языковъ, ни по всей вѣроятности съ нашимъ логическимъ инстинктомъ. Поэтому международный языкъ долженъ обладать суффиксомъ, позволяющимъ производить отъ качественнаго имени нарицательнаго—имя того, кто этимъ качествомъ снабженъ. Такимъ суффиксомъ принятъ здѣсь -oz—(ср. латинское formosus, generosus), широко распространенный, какъ въ романскихъ, такъ и въ германскихъ языкахъ (mysteriös, mysteriosus, mysterieux, misterioso). Этотъ суффиксъ является логическимъ pendant къ выше разобранному -os-, и также неопустимъ, какъ и послѣдній. Удивительно, что наши языки сами являютъ намъ примѣръ суперпозиціи этихъ обоихъ суффиксовъ (какъ въ отношеніи смысла, такъ и формы): Glück, glücklich, Glücklichkeit; beauty, beautiful, beautifulness; (въ послѣднемъ словѣ одинъ и тотъ же суффиксъ -es- встрѣчается два раза: въ видѣ -ty и -ness).

Латинскій языкъ производилъ formosus отъ forma, испанскій въ свою очередь hermosura отъ hermoso и т. д. Языки даютъ намъ также различные примѣры соотношенія этихъ суффиксовъ:

Съ одной стороны		Съ другой стороны	
		производятся:	
изъ gai	gaietè	изъ joie	joyeux
„ gay	gaiety	„ joy	joyful
„ allegro . .	allegrezza	„ gioja . .	giojoso
„ fröhlich . .	Fröhlichkeit	„ Freude . . .	freudig

Такимъ образомъ, международный языкъ, допуская единовременно оба обратныя другъ другу образованія: gaya, gayeso и joyo, joyoza, считается не только съ логикой, но и съ духомъ нашихъ языковъ. Языкъ, владѣющій однимъ только суффиксомъ -es, безъ суффикса -oz, былъ бы, какъ нетрудно догадаться, какъ бы прихрамывающимъ и неловкимъ.

Впрочемъ подобнаго рода пробѣлъ очень скоро сталъ бы чувствительнымъ, при образованіи производныхъ высшаго порядка, такъ какъ послѣднія нарушали бы принципъ обратимости, а значитъ и принципъ однозначности. Еслибы приходилось производитъ joya отъ joyo (подобно gaya), вмѣсто joyoza, то можно было бы образовать и joyozo отъ joyoza, что значило бы то же, что и joyo. Мы получили бы два имени нарицательныхъ одного и того же качества, совершенно такъ же, какъ еслибы sano было синонимомъ saneso. Еслибы отъ kurajo—храбрость можно было производитъ kuraja со смысломъ храбрый, то обратнымъ путемъ kurajeso стало бы синонимомъ kurajo. А такъ какъ съ другой стороны kurajo было бы существительнымъ производнымъ отъ kuraja, то этотъ корень означалъ бы въ одно и то же время и „храбрость“ и „храбрый“. Изъ этого ясно, что опущенія одного единственнаго необходимаго суффикса достаточно, чтобы сдѣлать всю систему запутанной и нелогичной; совершенно такъ же, какъ довольно одного невѣрнаго вывода въ умозаключеніи или одного ошибочнаго уравненія въ алгебраической задачѣ, чтобы привести къ величайшимъ абсурдамъ.

Резюмируя, мы скажемъ: нужно быть очень осторожнымъ въ непосредственномъ производствѣ одного слова отъ другого, допустимомъ только тогда, когда оба слова выражаютъ непремѣнно одно и то же понятіе (не считая конечно разницы ихъ грамматической роли въ предложеніи). Слѣдовательно, всякій разъ, какъ приходится мѣнять смыслъ, необходимо прибавить

или удалить какой-нибудь элементъ для обозначенія происшедшаго измѣненія понятія. Это—условіе для того, чтобы искуственный языкъ могъ стать вѣрнымъ и опредѣленнымъ выраженіемъ нашихъ мыслей и сообразнымъ съ имманентной и инстинктивной логикой, оживляющей наши языки, несмотря на всѣ встрѣчающіяся въ нихъ неправильности и исключенія. Благодаря своей системѣ словопроизводства и своей структурѣ вообще, международный языкъ не представляется ничѣмъ инымъ, какъ очищеннымъ и идеализированнымъ извлеченіемъ, квинтъ-эссенціей европейскихъ языковъ. Логика, царящая въ немъ, не есть логика Аристотеля, (основанная на понятіяхъ вида и рода), а та, недавно лишь признанная, такъ называемая логика соотношеній, которая въ сущности такъ же стара, какъ и свѣтъ, ибо она, хоть и безсознательно, но всегда лежала въ основаніи процесса образованія нашихъ естественныхъ языковъ. Вотъ почему международный языкъ представляетъ философамъ поле для особенно поучительныхъ изслѣдованій. Но онъ еще и въ другомъ отношеніи заслуживаетъ интереса съ ихъ стороны. Онъ не только обѣщаетъ имъ, какъ и всѣмъ людямъ, дать въ руки орудіе для взаимнаго пониманія ихъ другъ съ другомъ въ разныхъ странахъ, но онъ долженъ имъ представляться и въ качествѣ точнѣйшаго инструмента для анализа и точнаго выраженія формъ мысли, превосходящаго съ точки зрѣнія логики наши традиціонные языки, изобилующіе неясными и двусмысленными выраженіями всякаго рода. Остается пожелать, чтобы и философы приняли участіе въ разработкѣ и усовершенствованіи языка, который, не теряя своихъ чисто практическихъ свойствъ, можетъ и долженъ постепенно реализировать идеалъ человѣческаго языка вообще. Если вѣрно то, что этотъ идеалъ, хоть и присущій нашимъ языкамъ, скрытъ и непоправимо искаженъ благодаря всевозможнымъ неправильностямъ въ нихъ, то надо признать удачнымъ выраженіе Шухардта: „То чего хотѣлъ языкъ, разрушили языки".

Л. Кутюра́
Проф. философіи Парижскаго Университета.

Глава V.

Объ отношеніи международнаго вспомогательнаго языка къ наукѣ.

Послѣ того какъ въ предыдущихъ главахъ было въ достаточной мѣрѣ доказано, что построеніе искусственнаго международнаго вспомогательнаго языка не только возможно, но по всей вѣроятности въ главныхъ чертахъ уже и окончательно установлено, становится необходимымъ разсмотрѣть внутреннія отношенія между наукой и этимъ языкомъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, предъявляемыхъ такому искусственному международному языку, является безъ сомнѣнія вопросъ о его пригодности въ наукѣ. При той руководящей роли, которую науки играютъ сегодня въ жизни народовъ, не можетъ быть безразличнымъ, какую изъ предлагаемыхъ системъ такого языка предпочтетъ эта великая держава духа; вопросъ относительно его пригодности въ наукѣ можно пожалуй даже считать пробнымъ экзаменомъ такому языку. Вѣдь можно легко себѣ представить, что какая-нибудь система, оправдавшая себя на практикѣ въ коммерческихъ сношеніяхъ, тѣмъ не менѣе не въ состояніи служить наукѣ.

Прежде чѣмъ разбирать соотношенія между наукой и вспомогательнымъ языкомъ, необходимо разрѣшить предварительный вопросъ, нуждается ли вообще наука въ таковомъ и согласится ли она принять его. Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ, какъ намъ кажется, всѣми приведенными въ предыдущихъ главахъ соображеніями. Если согласиться въ принципѣ съ необходимостью ввести вспомогательный искусственный языкъ, то немедленно встаетъ другой вопросъ, почему наука уже давно не воспользовалась какимъ-нибудь изъ существующихъ многочисленныхъ проэктовъ, вродѣ Воляпюка, Эсперанто, Idiom neutral, Novilatin, Universal, и др. и не ввела его у себя? На этотъ вопросъ можно дать вполнѣ точно обоснованный отвѣтъ, не принимая даже въ соображеніе неблагопріятные историческіе моменты. Нельзя сказать, чтобы попытки добиться введенія международнаго вспомогательнаго языка въ науку отсутствовали. Уже въ эпоху Воляпюка отдѣльныя лица, старались показать, что послѣдній вполнѣ для этой цѣли пригоденъ и переводили на него научныя статьи. Какъ особый подвигъ воляпюкисты выставляли переводы:

„Ученіе о черепѣ“ д-ра Мисса и „Ископаемыя рыбы“ д-ра Винклера, а также „Путешествіе кронпринца Рудольфа на Востокъ“. Эсперантисты добились въ этомъ отношеніи большихъ результатовъ, такъ какъ ихъ языкъ вообще болѣе пригоденъ для такихъ цѣлей. На немъ даже издается журналъ: „Scienca Revuo“ —научное обозрѣніе, въ общедоступной формѣ дающее своимъ читателямъ свѣдѣнія о главнѣйшихъ успѣхахъ въ разныхъ отрасляхъ естествознанія, физики, математики, химіи и астрономіи. Переведена также небольшая книжка Фехнера о посмертной жизни и нѣсколько другихъ. Всѣ подобные опыты представляютъ выдающійся интересъ для рѣшенія вопроса о значеніи того лингвистическаго эксперимента, который человѣчество начало ставить на практикѣ за послѣдніе 20 лѣтъ; авторовъ, взявшихъ на себя этотъ трудъ, можно только благодарить за него: ибо опытъ въ концѣ концовъ долженъ быть поставленъ и проведенъ до конца. Но въ то же время всѣ подобныя попытки (я не отрицаю впрочемъ нѣкоторыхъ очень почтенныхъ трудовъ) съ неопровержимой ясностью свидѣтельствуютъ о томъ, что упомянутые языки даже и приблизительно не выполняютъ и не въ состояніи выполнить тѣхъ требованій, которыя наука должна предъявлять международному вспомогательному языку. Это и было причиною того, что люди науки не могли, даже еслибы и хотѣли, выбрать какой-нибудь изъ упомянутыхъ проэктовъ въ качествѣ международнаго языка и не смогутъ никогда этого сдѣлать, не идя навстрѣчу вѣрной неудачѣ.

Разбирая эти причины, мы подходимъ тѣмъ самымъ къ установленію отношенія между наукой и международнымъ языкомъ. Можно опредѣлить, какого рода должно быть это отношеніе и сообразно съ симъ рѣшить вопросъ, пригодна или нѣтъ та или иная система для науки. Критеріями могутъ служить два пункта, одинъ изъ нихъ —интернаціональность запаса словъ, другой —логическая опредѣленность выраженія.

Было бы пожалуй мыслимымъ, опустивъ первый пунктъ, выдвинуть впередъ одно лишь второе требованіе и считать достойнымъ науки вспомогательнымъ средствомъ систему, исключительнымъ качествомъ которой была бы логичность ея построенія. Но это означало бы шагъ назадъ; вѣдь именно съ такимъ требованіемъ „философскаго“ языка и былъ выдвинутъ Лейбницомъ и послѣ него вопросъ объ искусственныхъ языкахъ. Если стать на точку зрѣнія, что научный вспомогательный языкъ долженъ быть построенъ подобно любой системѣ знаковъ,

выражающихъ понятія, (значитъ системѣ, для которой необходимо найти и провести способъ выраженія отношенія понятій другъ къ другу, и которой въ то же время пришлось бы пользоваться въ качествѣ языка), то мы приходимъ къ тому, что въ теоріи вопроса о международномъ языкѣ зовется „системой a priori".

Благодаря тысячамъ лицъ, за послѣдніе 20 лѣтъ посвятившихъ и посвящающихъ себя попыткѣ за свой страхъ и рискъ провести эти грандіозные эксперименты, мы сегодня и въ этой области можемъ уже ссылаться на опытъ. Онъ неопровержимо доказываетъ, что научиться говорить на языкѣ апріорной системы невозможно. Изучить любой изъ нашихъ естественныхъ языковъ со всѣми его неправильностями, странностями и особенностями казалось бы дѣтской игрой по сравненію съ изученіемъ какой-нибудь апріорной системы. Всѣ попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, не удались и не могутъ быть болѣе принимаемы въ расчетъ въ качествѣ проэктовъ международнаго языка. Но даже если искусственный языкъ не построенъ согласно правиламъ „a priori", однако какой-нибудь незначительный, въ томъ же смыслѣ дѣйствующій, промахъ можетъ нерѣдко очень уменьшить шансы на легкость усвоенія его. Въ этомъ заключалась напримѣръ причина неудачи Воляпюка, во многомъ другомъ довольно остроумно составленной системы. Несмотря на то, что онъ былъ созданъ человѣкомъ, о которомъ говорятъ, что онъ владѣлъ или по крайней мѣрѣ былъ знакомъ съ 55 живыми языками, и несмотря на подражаніе Воляпюка въ существенныхъ чертахъ типу естественныхъ языковъ, способъ сокращенія, который примѣнялъ Шлейеръ при выборѣ словъ для своего языка (напр. Vol міръ, pük языкъ, Melop Америка), искажалъ ихъ настолько, что психологически они являлись словообразованіями „a priori". Дѣло въ томъ, что человѣкъ — существо не только съ логикой, но и съ психологіей. Поэтому во всякомъ случаѣ необходимо исходить изъ имѣющаго психологическую подкладку принципа международности, если желаютъ добиться пригодныхъ результатовъ. Только слѣдствіемъ примѣненія этого принципа можетъ быть легкая изучимость вспомогательнаго языка и возможность изъясняться на немъ; а то и другое крайне важно для практической примѣнимости его въ наукѣ. Такія системы извѣстны въ теоріи подъ названіемъ „системъ a posteriori" и опытъ показываетъ, что чѣмъ болѣе въ такой системѣ, претендующей на значеніе въ качествѣ международнаго языка, элементовъ „a

posteriori", тѣмъ болѣе она слѣдуетъ положенію Іесперсена о необходимости являть наибольшую легкость для наибольшаго числа людей.

Но можетъ быть изъ этого слѣдуетъ, что проще всего ввести въ науку въ качествѣ международнаго языка какой-нибудь изъ національныхъ языковъ? Отнюдь нѣтъ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не можетъ удовлетворить вышеприведенному положенію. Во многихъ языкахъ интернаціональность запаса словъ значительно ослабляется такъ называемыми „идіотизмами", очень усложняющими изученіе и пользованіе языкомъ, ужъ не говоря о грамматическихъ трудностяхъ. Вліяніе идіотизмовъ совершенно подобно апріорнымъ названіямъ и затемняетъ смыслъ, уничтожаетъ удобопонятность, ясность и легкость логическаго выраженія. Такимъ образомъ, единственно пригоднымъ въ наукѣ окажется лишь тотъ вспомогательный языкъ, который, съ одной стороны, въ силу принципа a posteriori будетъ построенъ по правилу наибольшей международности, а съ другой—въ отношеніи словообразованія будетъ по возможности или даже совсѣмъ свободенъ отъ идіотизмовъ. Если мы прибавимъ къ этому требованіе, выставленное нами въ качествѣ второго критерія, а именно что такой языкъ долженъ обезпечивать логическую ясность выраженія, то перечень условій, ставимыхъ наукой международному языку, окажется исчерпаннымъ.

Что касается принципа наибольшей интернаціональности, то не говоря уже о практической цѣнности его, наука имѣетъ еще одно особое основаніе выставлять его въ качествѣ постулата для международнаго научнаго языка.

Въ самомъ дѣлѣ, съ чисто-научной точки зрѣнія вполнѣ допустимъ слѣдующій вопросъ: насколько удалось построеннымъ системамъ искусственнаго языка оставаться въ соотвѣтствіи съ уже существующимъ въ наукѣ международно-понятнымъ вспомогательнымъ языкомъ? Всѣ тѣ тысячи словъ научной и технической номенклатуры, въ теченіе вѣковъ изобрѣтенныхъ и употребляемыхъ учеными всѣхъ странъ независимо отъ ихъ національности согласно очень широкимъ однообразнымъ принципамъ, а также и очень часто совпадающія выраженія неоффиціальной терминологіи, представляютъ накопленное наукой культурное богатство такой величины, цѣнности и значенія, что мы ни въ коемъ случаѣ не можемъ имъ пожертвовать. Болѣе того, всѣ эти и многія подобныя имъ слова, нерѣдко встрѣчающіяся и въ

обыденной жизни, являются истиннымъ и неприкосновеннымъ основаніемъ, самымъ дѣйствительнымъ и естественнымъ фундаментомъ для международнаго языка. Для всякаго ученаго, особенно же естествоиспытателя, этотъ международный языкъ, который въ сущности является не чѣмъ инымъ, какъ главнымъ элементомъ нашего общаго научнаго и техническаго образованія, до такой степени сталъ второй природой, онъ такъ тѣсно связанъ со всѣмъ ходомъ и жизнью науки, что мы уже съ давнихъ поръ привыкли писать и думать на немъ, независимо отъ національности каждаго исъ насъ. Въ этомъ очень легко убѣдиться: среди ученыхъ всѣхъ странъ общеизвѣстенъ фактъ, что большинству изъ нихъ гораздо легче читать на иностранномъ языкѣ спеціальные научные труды, чѣмъ газету или романъ. Это очень просто объясняется тѣмъ, что иностранный научный трудъ благодаря встрѣчающимся въ немъ спеціальнымъ выраженіямъ написанъ на гораздо болѣе международномъ языкѣ, чѣмъ любой романъ или газета. Поэтому нельзя отрицать, что именно въ наукѣ на самомъ дѣлѣ живетъ и дѣйствуетъ зачатокъ международнаго (большею частью искусственно созданнаго) вспомогательнаго языка, на которомъ уже давно пишутъ, читаютъ и говорятъ. Здѣсь мы находимъ уже готовымъ первый временный словарь научнаго международнаго языка. Поэтому невѣрно говорить, что наука должна выбирать между предложенными искусственными системами, такъ какъ выборъ не можетъ быть для нея произвольнымъ. Языкъ, который ей предстоитъ принять, не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только разработкой уже существующаго въ ней живого фундамента и поднятія его до степени международнаго языка. Наука никогда не сможетъ принять и не приметъ въ качествѣ такого языка систему, вновь разрушающую международный научный запасъ словъ, уже существующій на практикѣ.

Итакъ изъ разбора этого положенія (какъ и изъ перваго), мы приходимъ къ выводу, что вспомогательный языкъ долженъ имѣть своимъ основаніемъ наибольшую международность своихъ элементовъ, т. е. послѣдніе должны быть a posteriori заимствованы изъ запаса интернаціональныхъ словъ, а не созданы a priori или при помощи идіотизмовъ. Отсюда вытекаетъ слѣдствіе, что вспомогательный языкъ будущаго неминуемо будетъ носить по преимуществу романскій характеръ, такъ какъ наиболѣе международнымъ языкомъ, въ наукѣ и благодаря ей все еще не умершимъ, является именно латинскій.

Въ этомъ мѣстѣ можно бы возразить, что въ такомъ случаѣ самымъ простымъ средствомъ было бы вновь ввести въ науку латынь. Но такой выводъ противорѣчитъ нашимъ предпосылкамъ, ибо этотъ языкъ, какъ и всѣ прочіе національные языки, не въ состояніи выполнить второго, установленнаго выше требованія, именно требованія совершенной логической ясности. Кромѣ того латинскій языкъ слишкомъ труденъ.

Но и Эсперанто, хотя бы даже отчасти, не приближается къ поставленнымъ нами требованіямъ. Напротивъ, онъ нарушаетъ ихъ всѣ три. Съ одной стороны его запасъ словъ въ совсѣмъ недостаточной мѣрѣ слѣдуетъ принципу наибольшей международности. Съ другой стороны (и въ связи съ первымъ) Эсперанто старается какъ будто помочь этому недостатку посредствомъ столь расхваливаемаго его приверженцами принципа „vortfarado" (т. е. фабрикаціи словъ), послѣдствіемъ котораго является другой недостатокъ—накопленіе идіотизмовъ. Напримѣръ, начало слѣдующей фразы: „Вращающійся трансформаторъ можно было бы назвать моторгенераторомъ, но это имя примѣняется обыкновенно только къ машинамъ съ двухкатушковой арматурой" на Эсперанто будетъ: „Turnighan alispecigilon oni povas nomi motorproduktanto...", что въ дословномъ обратномъ переводѣ значитъ: „Крутящееся орудіе для превращенія въ другой видъ можетъ быть названо производящимъ двигателемъ".

Кромѣ этихъ капитальныхъ промаховъ Эсперанто, ему недостаетъ и систематическаго ученія о словообразованіи, важность котораго была такъ блестяще и убѣдительно изложена въ предыдущей главѣ профессоромъ Кутюра. Сотни разъ случается съ отчаивающимся читателемъ какого-нибудь эсперантскаго текста, что онъ оказывается не въ состояніи понять смыслъ встрѣчаемаго прилагательнаго; вѣдь даже такія слова повседневнаго обихода, какъ „каменистый" и „каменный", передаются на Эсперанто однимъ словомъ (shtona)! Фразу: это пожалуй возможно нельзя точно перевести на этотъ языкъ, такъ какъ благодаря „упрощенію" оба слова: пожалуй и возможно обозначаются однимъ (и притомъ употребляемымъ a priori): eble.

Въ отношеніи выбора словъ нѣкоторыя другія системы, особенно между ними Idiom neutral, гораздо удачнѣе, нежели Эсперанто. Этому послѣднему отпрыску воляпюкистскаго движенія удалось въ концѣ концовъ самостоятельно дойти до признанія необходимости принципа наибольшей международности. Была даже

образована Академія, работавшая надъ созданіемъ словаря согласно такому принципу. Къ сожалѣнію этотъ принципъ не былъ однако понятъ достаточно правильно, въ томъ смыслѣ, какъ подробно изложено въ III главѣ проф. Іесперсеномъ. Поэтому и этотъ языкъ страдаетъ недостаткомъ логической ясности при всей международности своего запаса словъ.

Мы не должны поэтому удивляться, что наука до сихъ поръ не избрала для своихъ цѣлей ни одного изъ существующихъ искусственныхъ проэктовъ въ качествѣ международнаго языка: она не могла этого сдѣлать, не рискуя предпринять ложный шагъ, послѣдствіемъ котораго была бы лишь полная путаница.

Только въ самое послѣднее время вполнѣ уяснены принципы, согласно которымъ долженъ быть построенъ такой языкъ. Единственной искусственной системой, имѣющей право заявить, что ея „авторы", „создавая" ее, старались соединить другъ съ другомъ принципы международности и логической опредѣленности (значитъ систематическій выборъ корней и систему правильнаго словопроизводства), и провести ихъ возможно послѣдовательнѣе, является лишь языкъ Делегаціи, какъ съ достаточной ясностью слѣдуетъ изъ предыдущихъ главъ нашей книги. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ „Internaciona linguo di la Delegitaro" придется еще кое-что измѣнить и исправить, ибо вполнѣ понятно, что невозможно въ одинъ пріемъ отлить въ окончательной формѣ такое грандіозное предпріятіе, какъ созданіе и введеніе международнаго вспомогательнаго языка. Но во всякомъ случаѣ мы того мнѣнія, что въ формѣ „Ido" передъ нами впервые проэктъ языка, относительно введенія котораго въ науку допустимо серьезное обсужденіе.

Съ убѣжденіемъ можно сегодня сказать, что поскольку хватаетъ даръ человѣческаго предвидѣнія, опытъ введенія этого языка въ науку долженъ увѣнчаться успѣхомъ.

Съ другой стороны это введеніе не преминетъ оказать полезное воздѣйствіе и на самую науку, не только въ смыслѣ развитія и расцвѣта ея внѣшней жизни въ качествѣ международной великой державы, но и способствуя выработкѣ еще большаго однообразія и совершенства ея языка и номенклатуры на основаніи строжайшей и полнѣйшей международности. Мы услышимъ объ этомъ уже сейчасъ въ слѣдующей главѣ.

Р. Лоренцъ.

Проф. химіи Цюрихскаго Политехникума.

Глава VI.

Вопросъ о номенклатурѣ.

Если мы возьмемъ въ руку какую-нибудь книгу или научную работу изъ области математики, напр. по анализу, изданную на совершенно намъ непонятномъ языкѣ, хотя бы на японскомъ, то намъ все же вскорѣ удастся узнать, о чемъ идетъ рѣчь, и часто мы будемъ даже въ состояніи разобрать суть дѣла. Причина этому та, что математическія формулы состоятъ изъ условныхъ знаковъ, общепонятныхъ, такъ какъ однообразныхъ для всѣхъ культурныхъ народовъ земного шара и употребляемыхъ ими съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ. Аналогично обстоитъ дѣло въ физикѣ и въ особенности въ химіи; химическія формулы содержатъ сегодня такія подробныя указанія на отношенія обозначаемыхъ ими веществъ, что было бы вполнѣ мыслимымъ писать химическія работы исключительно при помощи формулъ.

Въ описательныхъ естественныхъ наукахъ общимъ международнымъ достояніемъ являются латинскія названія классовъ и видовъ, а также латинская терминологія въ анатоміи и нѣкоторыя аналогичныя группы. Въ физіологіи, въ біологическихъ и соціальныхъ наукахъ еще не существуетъ международно-понятныхъ обозначеній, также какъ и въ исторіи и старой филологіи. Въ новомъ языковѣдѣніи соотвѣтствующія попытки дать звукамъ международно-понятное значеніе уже увѣнчались успѣхомъ на практикѣ. Разумѣется, обозначенія чиселъ при помощи цифръ безусловно интернаціональны во всѣхъ упомянутыхъ группахъ.

Такъ какъ въ математикѣ при помощи особыхъ, общепонятныхъ знаковъ обозначаются не только величины, но и всевозможныя операціи съ ними, то уже и теперь оказывается возможнымъ выражать длинныя математическія выкладки, снабжая ихъ лишь незначительными добавленіями на національныхъ языкахъ и тѣмъ дѣлая ихъ въ международномъ смыслѣ общедоступными, т. е. понятными для всякаго, знакомаго съ этой наукой и ея знаками. Такъ

напримѣръ проф. Пеано въ Туринѣ уже давно пишетъ и издаетъ свои работы такимъ способомъ. Здѣсь мы видимъ уже осуществленнымъ идеалъ чисто идеографическагопись, которое можетъ быть прочитано любымъ спеціалистомъ безъ того, чтобы ему было необходимо помнить слова какого-нибудь опредѣленнаго языка. Подобно этому примѣру I. H. van' t Hoff въ молодости въ одной своей химической работѣ отказался дать названія разбираемымъ имъ химическимъ тѣламъ на томъ основаніи, что то, что ему надо было обозначить, выражалось гораздо опредѣленнѣе при помощи соотвѣтствующихъ структурныхъ формулъ. Опытный химикъ въ этомъ случаѣ могъ бы прочесть такой текстъ и безъ того, чтобы ему при видѣ формулы приходилъ на умъ какой нибудь звуковой образъ, даже и безъ того, чтобы послѣдній вообще существовалъ.

Изъ этихъ общеизвѣстныхъ фактовъ слѣдуетъ, что въ наукѣ проблема международнаго языка отчасти уже осуществлена. Поскольку наукѣ удалось выработать опредѣленныя и болѣе или менѣе неизмѣнныя понятія, она снабжаетъ ихъ произвольно выбранными знаками, могущими быть принятыми всѣми и стать общепонятными. До сихъ поръ эти знаки предназначаются преимущественно для чтенія, т. е. только для глазъ, но не для голоса и слуха. Такъ, въ разныхъ языкахъ цифры связаны съ совершенно различными звуками, и булучи общепонятны въ видѣ письма, онѣ перестаютъ быть таковыми, когда ихъ произносятъ на какомъ-нибудь языкѣ.

Послѣднее положеніе имѣетъ впрочемъ и значительныя исключенія. Такъ напримѣръ слово „интегралъ" такъ же международно, какъ и соотвѣтствующій знакъ $\int$, химическій знакъ **Tl** повсюду произносится Thallium или схоже. Если просмотрѣть съ этой цѣлью таблицу химическихъ элементовъ, то легко убѣдиться, что болѣе двухъ третей именъ ихъ совпадаютъ въ главныхъ языкахъ. Различныя обозначенія встрѣчаются лишь для общеизвѣстныхъ элементовъ, названія которыхъ наука взяла изъ повседневной жизни, тогда какъ всѣ новооткрытые элементы носятъ интернаціональныя имена.

Отсюда слѣдуетъ, что задача провести въ наукѣ для ея понятій международныя звуковыя обозначенія въ отдѣльныхъ ея областяхъ уже болѣе или менѣе разрѣшена. Правда, произношеніе такого имени зависитъ еще отчасти отъ привычекъ въ рѣчи разныхъ народовъ, такъ напр. въ англійскомъ могутъ нерѣдко встрѣ-

чаться существенныя отклоненія. Но въ виду того, что всегда въ то же время извѣстенъ и письменный или печатный образъ произносимаго слова, то узнаваніе имени и въ чужихъ устахъ не представляетъ большихъ затрудненій.

Тутъ открывается широкое поле дѣятельности для приверженцевъ идеи вспомогательнаго языка; столь же богатое, какъ и интересное поле. Какъ извѣстно, мы, люди науки, немало страдаемъ отъ того, что одни и тѣ же слова употребляются обыкновенно, какъ для обозначенія очень неопредѣленныхъ понятій повседневной жизни, такъ и для совершенно точныхъ понятій науки; это даже одна изъ главнѣйшихъ причинъ, заставляющихъ заимствовать новыя названія для научныхъ понятій по возможности изъ мертвыхъ языковъ. Этимъ достигается и то, что такія названія уже сами по себѣ международны. Въ виду сего было бы сравнительно нетрудной задачей воспользоваться этимъ международнымъ матеріаломъ и создать при помощи грамматическихъ правилъ языка Делегаціи систему интернаціональныхъ названій для опредѣленныхъ понятій различныхъ наукъ.

Такая система имѣетъ двоякую цѣль. Во первыхъ, я могу себѣ представить, что она нашла бы себѣ примѣненіе и въ современныхъ естественныхъ языкахъ. Такъ, нѣкоторыя англійскія выраженія электротехники, вродѣ Shunt, Extracurrent, перешли въ нѣмецкій и французскій языки и употребляются въ нихъ подобно національнымъ словамъ. Введеніе международныхъ словъ въ ихъ интернаціональной формѣ вовсе не было бы особеннымъ насиліемъ по отношенію къ національнымъ языкамъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о строго научномъ изложеніи; помѣшать проникновенію иностранныхъ словъ въ эти языки, происходящему путемъ техники и науки (какъ и при помощи торговли и музыки), оказалось уже невозможнымъ, такъ что послѣдовательное проведеніе въ жизнь принципа „чистоты“ національныхъ языковъ является на практикѣ утопіей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ изящной литературѣ будутъ стараться соблюдать этотъ принципъ и впредь; но тамъ гдѣ рѣчь идетъ о чистотѣ понятій, именно въ наукѣ, на языкъ должно смотрѣть не иначе, какъ на элементъ подчиненный, первая обязанность котораго повиновеніе. Вѣдь здѣсь онъ является только средствомъ, по отношенію къ самостоятельно развившимся и установившимся понятіямъ; эти послѣднія закрѣплены прежде всего при помощи соотвѣтствующихъ знаковъ, которые въ то же время для понятій повседневной жизни выражаются словами.

Независимо отъ такого примѣненія, которое можно считать практичнымъ или нѣтъ, встаетъ требованіе, заявляющее о себѣ съ каждымъ днемъ все настойчивѣе, о необходимости интернаціонализаціи научныхъ сообщеній при помощи одного общепонятнаго вспомогательнаго языка.

Но за эту задачу нельзя взяться ранѣе, чѣмъ не будутъ выработаны для понятій всѣхъ заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ наукъ соотвѣтствующія словесныя обозначенія. Существующіе нынѣ словари международныхъ вспомогательныхъ языковъ содержатъ главнымъ образомъ выраженія повседневной жизни и потому эти языки примѣнимы пока преимущественно для нуждъ послѣдней. Хотя впрочемъ и удается, пользуясь ими, проникнуть и въ высшія области философской мысли, но уже здѣсь начинаются разныя затрудненія и неясности А написать, напримѣръ, научную работу изъ области органической химіи на международномъ языкѣ станетъ возможнымъ и полезнымъ разумѣется лишь тогда. когда будетъ существовать соглашеніе относительно того, какъ переводить, различно на разныхъ языкахъ выражаемыя, названія химическихъ веществъ.

Такимъ образомъ, самой первой задачей, требующей своего разрѣшенія до начала осуществленія дальнѣйшихъ цѣлей, именно международности литературы и устныхъ сообщеній въ наукѣ, является разработка понятій въ различныхъ научныхъ областяхъ и установленіе для нихъ интернаціональныхъ обозначеній. Желательно поэтому, чтобы представители науки, примкнувшіе къ „Uniono di l'amiki di la linguo internaciona" въ первую очередь взялись за эту задачу, такъ какъ дальнѣйшій успѣхъ всего предпріятія зависитъ отъ ея удачнаго рѣшенія, хотя бы провизорнаго.

Если мы постараемся уяснить себѣ прежде всего общія положенія, которымъ надо слѣдовать въ этой работѣ, то во-первыхъ придется и въ данномъ случаѣ пользоваться принципомъ максимума международности, имѣвшимъ рѣшающее значеніе и при созданіи самого вспомогательнаго языка. Примѣненіе этого принципа облегчается тѣмъ, что уже и теперь существуетъ широкая международность въ обозначеніи научныхъ понятій, въ виду пользованія для сего греческими и латинскими корнями, которые должны быть сохранены.

Во-вторыхъ, окажется не всегда возможнымъ примѣнить въ наукѣ обозначенія, принятыя въ обыкновенномъ разговорномъ

языкѣ, такъ какъ они нерѣдко стираютъ точный смыслъ понятій; между тѣмъ въ наукѣ необходимы вполнѣ разграниченныя понятія, которымъ должны соотвѣтствовать столь же ясно различимыя обозначенія.

Въ третьихъ, что касается словъ, встрѣчаемыхъ во многихъ сочетаніяхъ, то было бы желательно выбирать ихъ по возможности болѣе краткими. Я бы не побоялся для достиженія этой цѣли даже значительнаго искаженія самыхъ интернаціональныхъ между ними. Такія длинныя слова, какъ „водородъ" или Hydrogenium не должны быть допустимы, а ихъ слѣдуетъ свести на односложныя. Навѣрно всякому химику, писавшему работы, приходилось безчисленное число разъ сердиться по поводу трех-и четырехсложныхъ названій наиболѣе часто встрѣчающихся элементовъ, и это неудобство такъ же присуще другимъ языкамъ, какъ и нѣмецкому. Возраженіе противъ такого искусственнаго сокращенія, вполнѣ справедливое по отношенію къ языку повседневнаго обихода, (ибо такое сокращеніе усложняетъ изученіе языка малообразованнымъ человѣкомъ), для науки отпадаетъ, т. к. начинающему очевидно совершенно безразлично, заучиваетъ ли онъ слово „кислородъ" или „Охо" (или какое-нибудь подобное сокращеніе); и въ томъ и въ другомъ случаѣ понятіе для него ново и соотвѣтствующее слово ему приходится выучить наизусть. Такой способъ сокращенія къ тому же содѣйствуетъ выполненію второго, выставленнаго нами требованія, такъ какъ позволяетъ самымъ простымъ образомъ давать чисто научнымъ обозначеніямъ особую форму, отличающую ихъ отъ словъ повседневнаго языка.

Въ четвертыхъ, наконецъ, было бы желательно, чтобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ уже существуютъ общеизвѣстные символы, состоящіе изъ буквъ или происшедшіе отъ нихъ (какъ нѣкоторые математическіе знаки), имена были выбраны съ такимъ расчетомъ, чтобы они начинались съ той же самой буквы. Такъ напр. „постоянная тяготѣнія" повсюду обозначается при помощи буквы „g" и соотвѣтственное ей международное слово должно бы начинаться на ту же букву G. Впрочемъ, я сомнѣваюсь въ томъ, что удастся провести этотъ принципъ для всѣхъ случаевъ. Я просмотрѣлъ съ этой цѣлью имена химическихъ элементовъ и пришелъ къ выводу, что безъ нѣкотораго насилія тутъ дѣло не обойдется. Напримѣръ, будетъ врядъ ли возможнымъ подыскать интернаціональное названіе для хлора, которое въ соотвѣтствіи съ химическимъ знакомъ этого элемента (Cl) начи-

налось бы съ буквы С, въ виду того, что эта буква должна произноситься какъ ц; а между тѣмъ слово „хлоръ" (съ соотвѣтственными окончаніями) международно и его согласно выговору должно бы писать Kloro или похоже.

Таковы формальные совѣты, которые бы мнѣ хотѣлось внушить для предстоящей совмѣстной работы; ихъ цѣль, разумѣется, только намекнуть на то, какихъ директивъ, по моему мнѣнію, слѣдовало бы держаться при этомъ, но они во всякомъ случаѣ не имѣютъ притязаній на признаніе ихъ непогрѣшимыми и достаточными. Далѣе возникаетъ вопросъ: какъ слѣдовало бы организовать подобную работу?

Въ виду того, что одни и тѣ же понятія общи сразу нѣсколькимъ родственнымъ наукамъ и должны получить одно названіе, было бы невыполнимымъ, немедленно поручить выработку номенклатуры для каждой отдѣльной области спеціальнымъ коммиссіямъ. Будетъ, пожалуй, цѣлесообразнѣе предложить отдѣльнымъ докладчикамъ собрать матеріалъ и составить списки понятій, подлежащихъ обозначенію, и только послѣ того обсуждать въ большихъ коммиссіяхъ, охватывающихъ цѣлыя группы наукъ, тѣ основныя положенія, согласно которымъ должна быть выполнена затѣмъ детальная работа; по ея окончаніи послѣдняя должна быть подвергнута разбору и одобренію со стороны пленума. Чтобы и здѣсь дѣйствовать сразу съ большею увѣренностью, я бы предложилъ остановиться прежде всего на точныхъ наукахъ: въ нихъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, установлены точныя понятія. Въ замѣнѣ общеизвѣстной латинской терминологіи въ описательныхъ наукахъ нѣтъ никакой надобности, да и никакая, стремящаяся къ этой цѣли, попытка не могла бы расчитывать на успѣхъ. Скорѣе допустимо, что лишь въ далекомъ будущемъ, когда всѣ другія науки уже вполнѣ освоятся съ международнымъ языкомъ, будетъ предпринята переливка латинскихъ названій въ формы интернаціональнаго языка (сохраняя однако во всякомъ случаѣ сами корни), съ тѣмъ, чтобы изъ эстетическихъ соображеній возстановить единообразіе выраженія въ наукѣ.

Но съ другой стороны, я считаю совершенно необходимымъ подвергнуть такому же процессу закрѣпленія и научнаго опредѣленія понятія логики и теоріи познанія. Во-первыхъ, по той причинѣ, что эти науки относятся тоже къ точнымъ (по крайней мѣрѣ въ теоріи), а затѣмъ въ виду того, что изслѣдованія именно въ этой области потому крайне затруднены, что

для обозначенія ихъ понятій привлекаются выраженія повседневной жизни, расплывчатый характеръ которыхъ дѣлаетъ неосуществимой всякую попытку добиться научной точности выраженія.

Можно быть увѣреннымъ, что отъ такой генеральной чистки выиграютъ немало и сами науки, именно теорія и систематика научныхъ понятій. Вѣдь для того, чтобы быть въ состояніи объяснить какую-нибудь мысль другому, необходимо уяснить ее прежде всего самому себѣ. И уже простое составленіе инвентаря, съ серьезно поставленной цѣлью не забыть ничего существеннаго, являетъ собою шагъ научнаго прогресса, который тѣмъ болѣе желателенъ, чѣмъ менѣе вниманія удѣлялось до сихъ поръ подобнымъ вопросамъ. Можно предвидѣть, что такія задачи не могутъ быть рѣшены на скорую руку и потребуютъ, вѣроятно, для своего заключенія созыва международнаго конгресса, на которомъ и будутъ выработаны окончательныя рѣшенія. Этотъ конгрессъ мы съ радостью будемъ привѣтствовать, такъ какъ онъ будетъ вѣроятно первымъ научнымъ собраніемъ, во время котораго всѣ сообщенія и переговоры будутъ вестись не на трехъ, четырехъ или пяти языкахъ, а на одномъ: международномъ вспомогательномъ языкѣ.

В. Оствальдъ,
засл. орд. проф. химіи Лейпцигскаго Университета.

Глава VII.

Заключеніе: Чтеніе, письмо и разговоръ.

Тотъ, кто хочетъ учиться плавать безъ посторонней помощи, стоитъ передъ заколдованнымъ кругомъ. Для того, чтобы плыть, ему необходимо сдѣлать скачокъ въ воду; но прежде чѣмъ рѣшиться довѣриться водѣ, слѣдовало бы умѣть плавать. И тѣмъ не менѣе много людей научаются плавать безъ учителя. Какъ это случается? Они идутъ сначала въ неглубокое мѣсто и плещутся тамъ въ водѣ, пока не освоятся болѣе или менѣе съ этимъ элементомъ. И только послѣ того, какъ увѣрены въ томъ, что могутъ плавать на мелкомъ мѣстѣ, рѣшаются постепенно итти на болѣе глубокія.

Если мы хотимъ предложить ученымъ пользоваться международнымъ языкомъ, то мы посовѣтуемъ имъ слѣдовать такому же пути и отваживаться сначала на экскурсіи въ болѣе легкія области обыкновеннаго разговорнаго языка, съ тѣмъ, чтобы только впослѣдствіи рѣшиться вступить въ болѣе трудное царство науки. Краткому объясненію плавательныхъ движеній, данному учителемъ на сушѣ, соотвѣтствуетъ въ нашемъ сравненіи урокъ, знакомящій въ какіе нибудь два часа съ простой грамматикой международнаго языка. Дальнѣйшіе успѣхи вплоть до окончательнаго введенія послѣдняго въ науку будутъ группироваться въ три ступени, которыя мы можемъ охарактеризовать словами: чтеніе, письмо и разговоръ.

I. Чтеніе. Поразительная легкость, съ которой всякому образованному человѣку, въ особенности изучавшему латинскій или какой нибудь изъ живыхъ романскихъ языковъ, удается читать и понимать языкъ Делегаціи безъ всякой подготовки, заставляетъ смотрѣть на эту ступень, какъ на очень скоро достижимую. Но чтобы читать что нибудь научное, необходимъ соотвѣтствующій матеріалъ для чтенія и здѣсь передъ нами вновь circulus vitiosus; такъ какъ для того, чтобы такой матеріалъ былъ

на лицо, необходимы авторы, могущіе создать его, а вѣдь послѣдніе могутъ научиться выражаться на международномъ языкѣ не иначе, какъ читая уже существующую на немъ научную литературу. Такимъ образомъ и здѣсь придется прежде всего упражняться въ выраженіяхъ обыденнаго разговора и переносить въ науку тѣ изъ нихъ, которыя окажутся пригодными къ употребленію въ ея обиходѣ, гдѣ имъ затѣмъ должны быть даны болѣе опредѣленныя понятія. Въ предыдущей главѣ указано, какимъ путемъ необходимо будетъ затѣмъ установить спеціальную научную номенклатуру.

Разъ эта предварительная работа будетъ въ достаточной степени выполнена, то слѣдующій путь приведетъ насъ скорѣе всего къ цѣли.

Станетъ необходимымъ основать международный журналъ, который будетъ раздѣленъ на столько отдѣловъ, сколько научныхъ группъ будетъ въ немъ представлено. Мы имѣемъ прежде всего въ виду, конечно, теоретическія и прикладныя естественныя науки, такъ какъ потребность въ международномъ вспомогательномъ языкѣ ощущается въ нихъ гораздо острѣе, чѣмъ въ наукахъ гуманитарныхъ, представители которыхъ къ тому же имѣютъ больше возможности въ достаточной мѣрѣ владѣть иностранными языками. Такимъ образомъ, можно бы напримѣръ отвести одинъ отдѣлъ въ этомъ журналѣ математикѣ, математической астрономіи, математической географіи, математической физикѣ, геодезіи, и т. д.; другой—общей и экспериментальной физикѣ, химіи и физической химіи, электротехникѣ и прикладной химіи, механикѣ, ученію о машинахъ и т. д.; третья группа могла бы обнимать собою минералогію, петрографію, кристаллографію, геологію и т. д.; четвертая наконецъ—біологію, систематическую и физіологическую зоологію и ботанику, морфологію и т. д. и т. д. Конечно можно было бы всегда расширить или вообще измѣнить это подраздѣленіе.

Основать же съ самаго начала нѣсколько отдѣльныхъ журналовъ было бы врядъ ли цѣлесообразно.

Что касается содержанія, предполагаемаго журнала, то мы замѣтимъ слѣдующее. Само собой понятно, что вначалѣ въ немъ не будутъ помѣщаться оригинальныя статьи. Вѣдь вводимый языкъ вовсе и не стремится замѣнить собою существующіе естественные языки, онъ долженъ служить лишь посредникомъ между ними. Съ другой стороны журналъ долженъ будетъ привлекать

и интересовать читателей; поэтому въ немъ смогутъ быть печатаемы незначительныя или неинтересныя статьи. Къ тому же врядъ ли кто изъ выдающихся авторовъ, даже владѣя международнымъ языкомъ, рѣшится печатать важные труды въ журналѣ, который вначалѣ естественно не можетъ разсчитывать на очень широкое распространеніе.

Такимъ образомъ, въ журналѣ должны будутъ помѣщаться прежде всего переводы интересныхъ работъ по всѣмъ областямъ со всѣхъ языковъ, а затѣмъ разборъ ихъ и извлеченія изъ главныхъ періодическихъ изданій научной литературы. Редакціонный комитетъ этого журнала, будучи независимымъ отъ Академіи международнаго языка, долженъ однако стоять съ ней въ постоянномъ общеніи, съ одной стороны, съ тѣмъ, чтобы Академія имѣла возможность слѣдить за правильностью языка, а съ другой, чтобы служить ей въ качествѣ научнаго совѣтника. Съ постепеннымъ распространеніемъ этого журнала можно будетъ понемногу привлечь большое число ученыхъ, особенно изъ молодого поколѣнія, къ чтенію и пониманію научныхъ работъ на международномъ языкѣ, не взваливая на ихъ плечи труда въ ущербъ ихъ спеціальнымъ занятіямъ.

II. Письмо. Отъ чтенія къ письму шагъ нетруденъ. Вскорѣ увеличилось бы число ученыхъ, которые умѣли бы прямо писать на международномъ языкѣ, или сами переводить на этотъ языкъ свои, написанныя на родномъ языкѣ, работы. Постоянно возрастающее распространеніе международнаго журнала скоро сдѣлало бы появленіе ихъ трудовъ въ немъ въ прямыхъ интересахъ авторовъ, такъ какъ уже одинъ пріемъ ихъ здѣсь являлся бы честью, да и возможность быстраго ознакомленія съ ними посредствомъ журнала научныхъ круговъ всѣхъ націй становилась бы очень заманчивой.

III. Разговоръ. Позже всего слѣдуетъ приступить къ попыткѣ устно изъясняться на международномъ языкѣ, сначала въ небольшихъ кружкахъ, затѣмъ постепенно въ болѣе широкихъ и наконецъ на интернаціональныхъ конгрессахъ. Но этого нельзя предпринимать до тѣхъ поръ, пока не гарантированъ полный успѣхъ и пока языкъ не получитъ извѣстнаго рода устойчивость въ письменномъ примѣненіи.

Мы уже въ другомъ мѣстѣ отмѣтили, что цѣль введенія международнаго языка вовсе не такъ трудно достижима, какъ это кажется съ перваго взгляда; вся трудность предпріятія

заключается лишь въ укрѣпленіи увѣренности въ томъ, что эта цѣль дѣйствительно достижима.

Тому, кто впервые пытается плавать, тоже кажется, что ему это никогда не удастся. Но при видѣ того, какъ увѣренно и весело движутся въ водѣ послѣ нѣсколькихъ уроковъ его товарищи, въ немъ растетъ увѣренность въ себѣ, а за ней слѣдуетъ успѣхъ. Мы поэтому намѣрены показать и здѣсь на примѣрахъ, что языкъ Делегаціи уже и теперь способенъ являть успѣхи, заключащіеся въ томъ, что при его помощи можно переводить трудные тексты со всей вообще достижимой точностью.

Л. Кутюра́ попытался перевести на международный языкъ одинъ особенно трудный текстъ изъ книги вѣнскаго академика Гомперца „О греческихъ мыслителяхъ"; это было тогда, когда формы языка были только что установлены и Кутюра́ самъ не могъ еще обладать опытомъ въ пользованіи имъ. Авторъ этихъ строкъ приготовилъ затѣмъ, будучи въ Грацѣ и не видавъ оригинала, обратный переводъ этого текста съ международнаго языка на нѣмецкій и послалъ его автору, профессору Гомперцу, въ Вѣну съ просьбой высказать свое мнѣніе относительно точности перевода. Проф. Гомперцъ отвѣтилъ въ письмѣ, что переводъ „поразительно точенъ" и что „попытка очень удачна и безусловно говоритъ въ пользу пригодности международнаго языка".

Чтобы предоставить читателямъ возможность самостоятельнаго сужденія, мы даемъ въ 4-омъ приложеніи отрывокъ изъ оригинальнаго текста, перевода и обратнаго перевода. Этотъ опытъ тѣмъ болѣе убѣдителенъ и важенъ, что для перваго переводчика, француза Кутюра̀, нѣмецкій языкъ, на которомъ написанъ трудъ Гомперца, является языкомъ чужимъ, а обратному переводчику, физику по спеціальности, чуждо философское содержаніе этого труда.

Для успѣшнаго проведенія въ жизнь какой либо великой идеи необходима наличность двухъ моментовъ. Во-первыхъ, сама идея должна быть разумно обоснована по существу и въ своей цѣнности, а выполнимость ея доказана; во вторыхъ, должны быть на-лицо мужество, энергія и выдержка, готовыя на всякія жертвы ради осуществленія дѣла, разъ признаннаго правильнымъ и хорошимъ. Никогда ни одна ложная идея не можетъ повести къ длительному успѣху, какъ бы велика ни была затраченная на это энергія; но съ другой стороны извѣстно, что сомнѣвающіеся и пессимисты никогда не создавали ничего великаго. Читатели нашей брошюры, я надѣюсь, согласятся съ тѣмъ, что идея между-

народнаго вспомогательнаго языка и проэктъ ея осуществленія посредствомъ языка Делегаціи разобраны въ предыдущихъ главахъ съ точки зрѣнія разсудка спокойно и детально, и найдены вполнѣ правильными и выполнимыми; цѣль приложеній, помѣщенныхъ въ концѣ этой книги, подтвердить выводы экспериментальнымъ путемъ. Теперь послѣ того, какъ работа головы исчерпана, сердце, этотъ носитель мужества и преданности, должно исполнить свое. Мы поэтому не сомнѣваемся въ успѣхѣ, обращаясь къ представителямъ науки, слѣдовавшимъ за нашими разсужденіями, съ просьбой поддержать насъ въ нашемъ предпріятіи, записавшись въ уже образовавшійся союзъ „Uniono di l'amiki di la linguo internaciona", и стараясь распространять идеи этого союза. На этотъ шагъ могутъ рѣшиться и тѣ, которымъ созданный нынѣ языкъ не представляется окончательно наилучшимъ рѣшеніемъ вопроса, ибо прежде чѣмъ взойти на высшую ступень, надо побывать и на низшихъ. И мы сами не смотримъ на нашъ языкъ, какъ на безусловно непогрѣшимый, напротивъ мы считаемъ его дальнѣйшее усовершенствованіе необходимымъ; но оно въ то же время ничуть не можетъ помѣшать немедленной и послѣдующей примѣнимости этого языка на практикѣ.

Л. Пфаундлеръ.
проф. физики Грацскаго Университета